

A detailed illustration of a warrior in ornate, golden-brown armor standing atop a massive elephant. The elephant is heavily armored with metal plates and straps. The warrior holds a long spear in his right hand and a sword in his left. A large, flowing red cape is attached to his waist, billowing in the wind. The background features a vast, arid landscape with rocky hills and a cloudy sky. In the lower right foreground, another figure in a red cloak is seen from behind, looking towards the elephant. The overall style is reminiscent of classic fantasy or historical war art.

Светлана Дроздова

Стальной орел. Индия и слоновая кость

Светлана Дроздова

**Стальной орел. Индия
и слоновая кость**

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Стальной орел. Индия и слоновая кость / С. В. Дроздова —
«Автор», 2026

Римская империя, вооруженная танками «Химера», шагоходами и промышленными крематориями, вторгается в Индию. Император Александр Август, потомок великого завоевателя, вершит судьбы континентов, превращая битвы с боевыми слонами в утилизацию живой силы. Его жена Октавия мыслит категориями налоговой эффективности, а безликий легат Сталкер с математической точностью проводит «санацию» целых народов. Но цена абсолютного порядка оказывается выше, чем готов заплатить даже бог-машина. Роман — это жестокая антиутопия, где технологическое превосходство Рима оборачивается холодным геноцидом, а война становится конвейером смерти. Герои балансируют на грани безумия, пытаясь сохранить человечность в мире, где сентиментальность — преступление, а империя строится на бетоне из костей. От залитых огнем джунглей до затопленных городов — битва за душу завоевателя. Книга содержит сцены насилия и циничную философию. Рекомендуется любителям мрачной фантастики, антиутопий и альтернативной истории.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Стальной орел. Индия и слоновая кость

Глава 26. Сражение. Битва при Гидаспе 2.0

Рассвет над Индом пах не влажной землей и лотосами, как описывали его греческие географы в забытых Александриях. Он пах озоном, перегретым машинным маслом и липким страхом ста тысяч человек.

Император Александр Август стоял на бронированном горбу командной машины «Титан-Претор». Его сандалии из телячьей кожи, прошитые золотыми нитями, утопали в ворсе персидского ковра, которым был устлан пол рубки. За толстым стеклом триплекса — армированным сеткой из закаленной проволоки — открывалась картина конца света. На южном берегу реки Гидасп, там, где мутные воды несли ил со склонов Гималаев, выстроилась армия царя Пора.

Это была не просто армия. Это был памятник древней гордыне. Впереди, подобно живым крепостям, застыли двести боевых слонов. Но это были уже не те животные, которых когда-то привел к воротам Рима Пирр. Эпоха деревянных башенок и простых кольчужных попон ушла. Индусы, ведомые отчаянием и ненавистью, превратили природу в инженерное решение. Бока гигантов скрывала многослойная броня из тикового дерева. Брусья были стянуты полосами позеленевшей от влажности бронзы, а стыки залиты черной смолой. На спинах возвышались настоящие бастионы, обитые медными листами, способные вместить по десятку лучников и копейщиков.

Александр смотрел на них сквозь линзы латунного перископа, чувствуя, как под тяжелой лорикой сегментатой, прошитой капиллярами жидкостного охлаждения, по спине бежит холодный пот. Ему было тридцать восемь лет. Двадцать из них он провел в седле, затем — в кресле механика-водителя шагохода, а последние пять — на Железном Троне в Риме. Он прошел Германию, замерз во льдах Гипербореи, испепелил пески Парфии. Но Индия ощущалась иначе. Она дышала жаром печи. Здесь кончался металл Империи и начиналась плоть мира, такая же древняя и неповоротливая, как эти деревянные горы.

— Они похожи на храмовые колесницы Кали, мой император, — раздался слева ровный голос Октавии.

Она стояла, заложив руки за спину. На ней не было доспехов — только строгий шерстяной пеплос темно-алого цвета, цвет Сената и пролитой крови, и тяжелый золотой венец-диадема. Октавия никогда не сопровождала Александра в гущу сражения, но ее присутствие здесь, в вибрирующей от холостых оборотов турбин рубке, делало эту войну легитимной. Она смотрела не на слонов, а на светящийся циферблат хронометра Патавиуса, встроенного в стену.

— Тик пропитали солью Красного моря, — продолжила она, не отрывая взгляда от секундной стрелки. — И выварили в масле гингко. Огонь соскользнет, если бить вскользь. Тебе придется прожечь их насквозь, Александр. Или расплавить сами бревна. У нас есть запас хода котлов на сорок минут интенсивного боя. Потом давление упадет, и мы станем грудой дорогого железа посреди враждебной страны.

— Я помню логистику, — глухо ответил Император. Его пальцы в стальной перчатке сжались на рукояти командирского жезла. — Пор думает, что дерево победит сталь. Он читал записки о походе моего тезки. Он ждет, что наши колеса увязнут в грязи, а башни застрянут в кронах деревьев. Он забыл, что этот Александр умер две тысячи лет назад. Мы другие.

Октавия наконец повернула голову. В красноватом свете аварийных ламп ее лицо казалось высеченным из мрамора.

— Тот Александр плакал, когда увидел, что завоевывать больше нечего. Ты привезешь ему пустоту. Помни об этом.

В этот момент воздух разорвал звук, который невозможно было спутать ни с чем другим. Низкий, утробный гул, переходящий в инфразвук, от которого завибрировали кости черепа. Земля содрогнулась.

Из утреннего тумана, стелющегося над рекой, начали выходить они.

Танки прорыва класса «Химера».

Их было шестьдесят. Обтекаемые корпуса из уральской броневой стали, сваренные не кузнецами, а автогенными аппаратами в цехах Медиолана. Они не ползли, они текли по раскисшей пойме на широких гусеницах, которые месили грязь так же легко, как жернова мелют зерно. Над приземистыми башнями дрожал горячий воздух, поднимаясь от решеток радиатора.

«Химеры» выглядели оскорблением самой природе войны. У них не было таранов, баллист или привычных скорпионов на бортах. Их единственным оружием были спаренные форсунки на гибких гидравлических манипуляторах, напоминающие металлические хоботы. К ним тянулись толстые гофрированные шланги от масляных цистерн, закрепленных на корме.

Сталкер поднялся по внутреннему трапу в рубку совершенно бесшумно. Система пневматических поршней в его экзоскелете работала тише дыхания. Командующий преторианской гвардией особого назначения остановился за спиной Императора. От него пахло озоном, стерильной медью и камфорой. Лицо Сталкера всегда скрывала маска респиратора модели «Аэд», украшенная поверх фильтров тонкой гравировкой золотого лаврового венка. Никто не видел его глаз уже третий год.

— Котлы прогреты до трехсот градусов, сир, — доложил Сталкер. Голос из-под маски звучал безжизненно, пропущенный через мембраны вокодера. — Смесь номер четыре. Нефть из парфянских скважин, селитра из Египта, концентрат греческого огня из лабораторий Родоса. Температура воспламенения — восемнадцать градусов. При контакте с кислородом самовозгорается. Дерево примет смесь как сухая губка.

— Я одобрил эдикт сегодня на рассвете, — напомнил Александр, не поворачиваясь. — Но я хочу услышать это от тебя, легат. Какова доктрина?

Сталкер сделал шаг вперед, вставая плечом к плечу с Императором. Теперь два правителя смотрели на вражеский берег через одно стекло.

— Доктрина Стерильности, утвержденная вами, Цезарь Август. После уничтожения организованной военной силы Маурьев территория подлежит санации. Население старше пяти лет классифицируется как избыточный ресурс. Подлежит термической утилизации для предот-

вращения будущих восстаний и экономии провианта. Дети до пяти лет — изъятие для транспортировки в имперские воспитательные колонии. Города категории А (столица) — сохранение инфраструктуры. Города категории Б и ниже — демонтаж камня для строительства римских форпостов. Лес — вырубка. Река — очистка от священных животных и установка паровых генераторов.

Александр почувствовал приступ тошноты. Не от запаха реки, а от математической чистоты этой бойни. Он вырос на историях о великодушии (*clementia*). О том, как Рим делает варваров гражданами. Сталкер предлагал другой путь. Путь бетона и тишины. Пустота, соединенная к Империи. Это было эффективно. Это снимало проблему налогов, ассимиляции и потенциальных Спартаков. Но глядя на черные силуэты слонов, Александр впервые усомнился: останется ли он человеком, отдав приказ нажать на рычаг?

— Начинай, — сказал Император.

Октавия коснулась его локтя кончиками пальцев. Ее ногти впились в сталь наруча.

— Давление в норме, — тихо сказала она. — Если ты остановишься сейчас, казначейство объявит дефолт через полгода. Эти леса должны кормить Рим. Варварам хватит и пепла.

Сталкер коротко кивнул. Он спустился по трапу вниз, к открытому люку своей личной штабной «Химеры».

Над полем разнесся одинокий рев рога — сигнал, продублированный всеми громкоговорителями бронекорпуса.

Первая линия танков остановилась. Расстояние до ближайшего слона составляло ровно сто двадцать метров. Идеальная дистанция для сифонного распылителя.

Мир замер на долю секунды. Было слышно, как потрескивает остывающий металл корпуса и как тяжело, с присвистом, дышит сам Александр — фильтры его шлема боролись с влажностью индийского утра.

Затем манипулятор ведущей «Химеры» дернулся. Гибкий шланг нацелился прямо в грудь колоссу, закованному в тик.

И река вспыхнула.

Это не было похоже на выстрел катапульты. Из сопла ударила не струя, а пульсирующий поток густой, жирной тьмы. Жидкость флегма, тяжелее воды, лениво преодолела расстояние и врезалась в деревянную броню.

Смесь номер четыре нашла свою первую щель между бронзовыми скобами.

Дерево не загорелось снаружи. Оно взорвалось изнутри. Пропитанная нефтью древесина мгновенно впитала топливо. Искрой послужило трение капель о волокна и остаточное тепло металла.

Раздался звук, похожий на треск ломающихся костей земли. Тиковая плита на груди слона вспучилась оранжевым пузырем. Затем еще одна. И еще.

Огонь пожирал кислород внутри деревянного панциря. Башня на спине животного превратилась в доменную печь. Лучники внутри даже не успели закричать — их легкие сгорели первыми от раскаленного воздуха. Сквозь расширяющиеся трещины в дереве Александр видел, как лопаются глаза гигантского зверя.

Слон издал трубный глас. Но это был не боевой клич. Это был вопль существа, заживо запекающегося в собственном склепе. Животное рухнуло на колени, подмяв под себя собственную пехоту, шедшую в тени его ног.

Следом ударила вторая «Химера». Третья. Весь фронт.

Небо почернело от жирного дыма. Солнце, едва показавшееся над горизонтом, исчезло в клубах копоти. Дождь из хлопьев сажи начал оседать на пурпурный плащ Императора. Воздух стал густым, дышать стало больно.

Но самое страшное началось потом.

Обезумевшие от боли гиганты, чьи нервы плавились в кипящем жире, вырвались из строя. Природный инстинкт самосохранения заставил их бежать прочь от источника пламени — то есть назад, вглубь собственных позиций.

Армия Маурьев дрогнула. Копейщики пытались остановить своих же спасителей, выставив сариссы, но туша весом в пять тонн, несущаяся на скорости бегущего человека, сметала железо и плоть одинаково равнодушно.

Началась давка. Древняя пехота, вооруженная мечами и луками, была растоптана своими же деревянными богами. Берег Гидаспа превратился в скользкое болото из крови, ила и горящего масла.

Александр смотрел на это сквозь стекло, и его лицо каменело. Он ожидал битвы. Сечи, звона клинков, героизма центурионов. Вместо этого он получил промышленную переработку живой силы. Шестьдесят машин перемалывали сто тысяч человек за полчаса. Это было пугающе чисто. Пугающе эффективно.

— Левый фланг отстает! — крикнул старший механик рубки, считывая данные с амперметров. — Турбина «Химеры»-семь падает! Засор форсунок песком!

— Отправьте туда ремонтный краулер, — приказал Александр, не повышая голоса. — Водителя сделать деканом. Механика — выпороть плетью за некачественную фильтрацию топлива. Война не должна останавливаться из-за песка.

Октавия подошла к столу с картой. Она передвигала свинцовые фигурки индусов, опрокидывая их одну за другой.

— Потери противника оцениваю в семьдесят процентов личного состава, — констатировала она так же буднично, как обсуждала урожай оливок в Бетике. — Экономический эффект... впечатляет. Нам не нужно будет везти золото на выкуп зерна из Египта в следующем году. Эта земля прокормит сама себя. Вернее, то, что от нее останется после мелиорации.

Битва закончилась быстрее, чем сменяется стража в Колизее. Последние слоны, превратившиеся в ходячие погребальные костры, падали в мутные воды Гидаспа, гася огонь грязью и поднимая столбы пара. Вода в реке покраснела на целую милю вниз по течению.

Когда дым немного рассеялся, поле представляло собой сюрреалистическую картину апокалипсиса. Черная, спекшаяся земля. Сотни обугленных стволов деревьев, торчащих, как ребра мертвецов. И груды тел.

Победа была абсолютной.

Царь Пор, окруженный остатками своей гвардии — десятью покрытыми ранами ветеранами на хромых лошадях, — бросил оружие. Белый флаг из окровавленной ткани подняли над его разбитой колесницей.

— Победа, мой император, — прохрипел динамик внутренней связи. — Фронт чист. Ждем ваших распоряжений относительно военнопленных.

Александр сорвал с головы тактический шлем. Воздух вонючего индийского утра обжег легкие, показавшись сладким. Он сбросил перчатки на ковер. Руки слегка дрожали.

— Стационарный лагерь, — распорядился он. — Полевая кухня. Медики. Распределить пленных согласно уставу Красса. Десять процентов отправить на строительство акведуков в Остии. Сильнейших — в гладиаторскую школу Капуи. Женщин...

Он осекся. По стеклу рубки скользнула тень.

Сталкер вернулся. Он вошел внутрь, оставляя на драгоценном ковре комья черного, жирного пепла. Его респиратор все еще был на месте, но теперь индикаторы на скулах горели тревожным синим светом — охлаждение работало на пределе.

— Сир, — произнес легат, преклоняя колено. Звук сервоприводов прозвучал в наступившей тишине как удар хлыста. — Согласно директиве «Пустошь», фаза ликвидации началась пятнадцать минут назад.

Александр медленно обернулся.

— Что ты несешь, легат? Я отдал приказ о формировании лагеря.

Сталкер остался коленопреклоненным. Его голова была почтительно склонена.

— Директива «Пустошь», подписанная вашей рукой перед рассветом, имеет приоритет над любыми устными распоряжениями, данными на поле боя, согласно пункту четырнадцать Кодекса Военного Положения. Мои люди приступили к разворачиванию мобильных крематориев серии «Инферно».

Кровь отхлынула от лица Октавии. Она метнулась к стене, сорвала трубку пневмопочты.

— Связь с тылом! — рявкнула она. — Статус поставок угля для печей!

— Уголь не используется, моя госпожа, — вежливо ответил Сталкер, не меняя позы. — Крематории работают на человеческой биомассе. Процесс автоклавирования поддерживает температуру цикла. Мы абсолютно автономны.

Александр подошел к нему вплотную. Ростом Император превосходил гвардейца, но сейчас, сгорбленный в тесной рубке, он чувствовал себя карликом.

— Отставить, — процедил Александр. — Повторяю. Отменить ликвидацию. Это мои будущие граждане. Мой скот. Моя рабочая сила. Я — Император, и я отменяю свой утренний черновик.

Сталкер поднял голову. За темным стеклом масок невозможно было прочесть эмоции, но вся фигура легата выражала снисходительное сожаление.

— Вы не можете отменить физику горения, сир. Процесс запущен. Чтобы остановить цикл «Инферно», потребуется демонтировать реакторы. Это займет двенадцать часов. За это время первая волна трупов уже превратится в щелок. Кроме того... — Сталкер позволил себе паузу, которая резанула слух хуже визга тормозов, — ...если вы отмените приказ публично сейчас, стоя среди дымящихся тел своего врага, солдаты назовут вас слабым. Те самые солдаты, чьих товарищей сожгли час назад. Ослабевший монарх теряет легитимность быстрее, чем остывает котел. Вы хотите мятеж на границе мира, Цезарь?

Это был шантаж. Холодный, идеальный политический расчет. Сталкер держал Александра за горло, используя букву закона против духа императора.

В этот момент полог палатки откинулся.

На пороге стоял Корнелий Лонг, первый друг детства Александра, командир Серебряной Алаэ — лучшей кавалерийской части империи. Его лицо, обычно веселое и румяное, было серым от пыли. Он тяжело опирался на фалькату. Его конь остался снаружи.

— Алекс, — выдохнул Корнелий, игнорируя этикет и Сталкера. — Там внизу... твои машины заталкивают живых людей в трубы. Прямо сейчас. Они кричат. Мальчишки-пращники, им нет и шестнадцати. Твои преторианцы разбивают им головы прикладами, потому что те слишком высоки и не пролезают в загрузочный люк. Это не война. Это бойня скота. Приказывай прекратить.

Александр шагнул к другу, раскрывая объятия.

— Корнелий. Слава Марсу, ты цел. Слушай меня. Мы разберемся. Это ошибка логистов. Я лично...

Корнелий выпрямился. Он посмотрел мимо Императора, прямо в темные стекла маски Сталкера.

— Нет никакой ошибки, — громко сказал он, чтобы слышали все в рубке. — Этот мясник исполняет волю двора. Но двор далеко, а честь Рима — здесь. Я присягал тебе, чтобы строить дороги, а не топить ими печи ада. Я отказываюсь служить детоубийце.

Лонг опустил на одно колено, но не в знак покорности. Он взял свою фалькату за лезвие и протянул рукоятью вперед Александру.

— Либо ты принимаешь мою отставку и мое оружие, либо убиваешь меня здесь за измену. Решай, брат. Сейчас.

Время в рубке остановилось. Александр смотрел на клинок. Это был выбор. Оставить друга в живых — значит признать правоту Сталкера и потерять лицо перед армией, увидев-

шей конфликт власти. Казнить друга — значит стать полноценным чудовищем, ради которого Корнелий только что обнажил душу.

Сзади послышался тихий шелест шелка. Октавия обошла стол. Она двигалась плавно, словно танцуя. Она накрыла руку мужа, сжимающую жезл, своей ладонью.

— Принцепс, — ее голос был мягок, но резал как алмазное стекло. — Легат Лонг устал. Кровь Востока горячит разум. Наказание за столь дерзкий выпад в присутствии Императора может быть отложено до трибунала в Риме. Однако оставить безнаказанным сомнение в твоей воле мы не можем.

Она улыбнулась Сталкеру. Улыбка женщины, привыкшей решать судьбы провинций одним росчерком стилоса.

— Центурион, — обратилась Октавия к начальнику охраны рубки. — Арестуйте бывшего командира Серебряной Алаэ. Конфискуйте имущество рода Лонгов в пользу императорской казны. Самого Корнелия отправьте на нижние уровни термополиса Карфаген — пусть добывает серу в вулканических озерах. Срок — пожизненный. Без права переписки.

Корнелий поднял на нее полный ужаса взгляд. Он ждал смерти, быстрой и почетной. Вечная пытка в подземельях Северной Африки была страшнее.

— Октавия... — прошептал Александр.

— Тихо, муж мой, — она чуть сжала его руку. — Ты должен остаться чистым. Для истории. Для Сената. Для нашего сына, который однажды унаследует этот пепел. Пусть грязную работу делаю я.

Сталкер наблюдал за сценой с профессиональным интересом анатома. Когда гвардейцы заломили руки рыдающему Корнелию и поволокли его наружу, легат снова повернулся к Императору.

— Проблема лояльности решена, сир. Эффективность решения вашей супруги превышает стандартные протоколы допросов третьей степени. Продолжим?

Александр оттолкнул руку Октавии. Боль от удара о стальной поручень отрезвила его.

— Лагерь, — прохрипел он. — Я сказал — лагерь. Для тех, кто сдался. Всех мужчин трудоспособного возраста — в цепи. На стройку моста через Ганг. Кто выживет — станет гражданином. Так гласит закон.

Сталкер склонил голову.

— Будет исполнено, сир. Мужчины трудоспособного возраста будут направлены на стройку. Предварительно пройдя процедуру дезинтеграции конечностей, мешающих заковыванию в кандалы. Это повысит их управляемость.

Легат развернулся к выходу. У самого трапа он остановился.

— Ах да, Цезарь. Насчет детей. Ваша супруга упомянула вашего наследника. Генетическая комиссия рекомендует исключить из программы депортации всех детей с признаками близорукости, рахита или неправильным прикусом. Некачественный генофонд портит породу. Такие дети пойдут в общую топку вместе с родителями. Это экономит место в трюмах транспортных флотов. Я подготовлю списки для подписи госпожи Октавии.

Дверь за ним закрылась с мягким пневматическим шипением.

Александр остался стоять посреди рубки. Запах паленого мяса, просачивающийся сквозь вентиляцию, вдруг стал невыносимым. Он подбежал к раковине, наклонился, и его вырвало желчью и недопитым вином прямо на дорогой персидский ковер Октавии.

Она не сказала ни слова. Достала из рукава кружевной платок, промокнула губы мужа. Затем спокойно взяла ведро с песком и засыпала следы рвоты.

— Успокойся, — шепнула она ему на ухо, пока он сотрясался в сухих рыданиях побежденного победителя. — Посмотри на меня.

Он поднял голову. Ее глаза были сухими и внимательными.

— Ты думаешь, мир строится на слезах, Александр? Мир строится на бетоне. Сталкер жесток, но он видит на столетия вперед. Этих людей нельзя перевоспитать. Нельзя научить латыни. Они рождены поклоняться своим деревянным идолам. Мы дали им быструю смерть. Завтра мы засеем эту землю пшеницей, которую вырастят наши машины. И через поколение никто не вспомнит царя Пора. Останется только *Рах Романа*. Ради этого стоит замарать руки. Даже кровью Корнелия. Особенно кровью Корнелия — теперь остальные трижды подумают, прежде чем смотреть на тебя с укоризной.

Александр смотрел на жену, и ледяной ужас понимания заползал в его сердце. Он победил Индию. Он сокрушил дерево броней и огнем. Но в тот момент, когда Корнелий упал на колени с фалькатой, настоящая власть в Империи перешла из рук солдата в руки этой спокойной женщины и безликого монстра в маске.

Он выиграл битву при Гидаспе. Но Империя, которую он завоевал этим утром, оказалась местом, где Императору больше не было места. Он стал лишь главным экспонатом в музее собственного террора.

За стенами шатра, перекрывая треск догорающих джунглей, ритмично и сыто загудели моторы крематориев «Инферно». Сталинградская ночь индустриального Рима только начиналась.

Гул крематориев «Инферно» проникал сквозь броню командной машины, сквозь толстые войлочные стены императорского шатра и, казалось, сквозь саму кость черепа. Это был не звук войны. Звук войны хаотичен: звон металла, крики раненых, треск ломающегося дерева. Этот гул был монотонным, ритмичным, промышленным. Ровный бас дизельных двигателей на холостом обороте, перемежающийся влажным шипением форсунок. Рим переваривал Индию.

Александр сидел в складном кресле из бивня мамонта посреди разгромленной рубки «Титана-Претора». Ковер пришлось скатать — пятна рвоты въелись в персидский шелк намертво. Теперь его сапоги стояли на голых досках палубы, липких от пролитого машинного масла. Император пил неразбавленное вино прямо из амфоры. Красная жидкость стекала по подбородку, но он этого не чувствовал.

Октавия стояла у развернутой на походном столе карты субконтинента. Ее пальцы с безупречными ногтями двигали свинцовые фишки легионов, выстраивая их в плотную линию вдоль русла Ганга.

— Первая волна колонистов прибудет через сорок дней, — произнесла она, не оборачиваясь. Ее голос звучал так, словно они обсуждали закупку специй для дворцовой кухни. — Флотилия вышла из Остии месяц назад. Три тысячи семей ветеранов Шестого Железного легиона. Им выделены наделы севернее Гидаспа. Те самые заливные луга, которые ты назвал «слишком болотистыми» для маневра шагоходов.

— Они стоят на костях пятидесяти тысяч детей, — хрипло ответил Александр. Он поставил амфору на пол. Его руки дрожали. — Ты слышишь это, Октавия? Ты считаешь количество отар, а я слышу, как горит жир. Сталкер... он открыл шлюзы ада.

Октавия наконец повернулась. В тусклом свете масляной лампы ее лицо выглядело хищным. Она подошла к мужу, опустилась перед ним на колени — жест интимный и опасный здесь, в пропитанной смертью палатке полководца, — и взяла его окровавленные ладони в свои.

— Послушай меня, брат мой, муж мой, бог мой, — сказала она тихо, чтобы слышали только они двое. — Что ты хотел увидеть на краю Ойкумены? Цветущие сады? Варваров, бросающих цветы под гусеницы твоих танков? Мы принесли сюда закон. Закон требует жертвоприношений. Если бы мы оставили этих людей в живых, через десять лет нам пришлось бы вернуться. И тогда Крематории работали бы уже в Антиохии и Риме. Мы вырезали опухоль до того, как она дала метастазы. Корнелий ошибся не в морали. Он ошибся в математике.

Она отпустила одну его руку и коснулась своего венца-диадемы. Нашупала едва заметный шов сбоку. Тонкий золотой лист отошел в сторону, открывая крошечную нишу. Октавия извлекла оттуда свернутый в трубку пергамент толщиной с иглу.

— Пока Сталкер жег пехоту Пора, мои люди вскрыли архивы в захваченной канцелярии маурийского казначея, — продолжила она, разворачивая документ на столе. — Знаешь, что там было? Не золото. Долговые расписки. Индия голодает, Александр. Великий царь Пор кормил свою армию за счет займов у египетских хлеботорговцев. Каждый второй крестьянин в долине Инда должен отдать половину урожая храмам, которые принадлежат греческим купцам из Бактрии. Если бы мы просто сменили флаг над воротами, эти долги легли бы на нас. А так... заемщики сгорели вместе с кредиторами. Империя сэкономила три миллиона сестерциев только на аннулировании процентов. Мертвые не платят налоги, зато они и не требуют хлеба во время засухи.

Александр вырвал руку. Он встал, пошатываясь, и подошел к застекленному иллюминатору. Шатер стоял на возвышенности. Отсюда поле недавнего сражения просматривалось как на макете.

Сталкер выполнил свою работу с пугающей геометрической точностью. Полоса земли шириной в две мили вдоль берега превратилась в идеально ровное черное плато. Ни одного торчащего копья, ни одной лишней кочки. Только спекшаяся стеклянная корка, образовавшаяся там, где песок встретился с температурой горения человеческой плоти и селитры.

Мобильные комплексы «Инферно» теперь перестраивались. Их загрузочные люки закрылись. Вместо них из корпусов начали выдвигаться широкие конвейерные ленты. Машины медленно ползли по полю. Ленты опускались к самой земле, подхватывали спекшиеся комья тел, обломки деревянных башен слонов и брошенное оружие, затягивая этот мусор внутрь чрева.

Наверх поднимался лишь легкий серый пепел, который тут же оседал на хромированные детали самих машин.

— Он использует их как топливо, — прошептал Александр, прижимаясь лбом к холодному стеклу. — Для поддержания температуры цикла. Замкнутый круг. Машина ест убитых ею людей, чтобы ехать дальше и убивать новых.

— Это называется эффективностью, — отозвалась Октавия. Она встала рядом, кутаясь в плащ. — Кстати о машинах. Механики докладывают о перегреве турбин. Смесь номер четыре оставляет нагар в соплах. Сталкер предлагает перейти на смесь номер семь. Магnezия и жидкий фосфор. Температура выше, очистка ствола лучше, но токсичность выхлопа исключает присутствие пехоты в радиусе километра. Я подписала разрешение на замену реагентов. Твоим танкам нужно дышать свободно.

В этот момент полог шатра откинулся без стука.

Сталкер вошел внутрь. С него капало. Его черный комиссарский плащ потемнел еще больше от впитавшейся жирной сажи. Респиратор все так же скрывал лицо, но индикаторы на скулах сменили цвет с синего на спокойный изумрудный — системы охлаждения вышли на штатный режим. Легат остановился в центре палатки, оставляя на полу идеальный полукруг грязных следов.

— Операция «Пустошь» завершена на девяносто восемь процентов, сир, — доложил он. Голос вокодера звучал удовлетворенно. — Биомасса переработана. Конвейеры демонтируются. Потери личного состава гвардии при утилизации составили ноль целых две десятых процента — один случай дезертирства. Дезертира скормливают системе последней очереди. Экземпляр упитанный, процесс идет штатно.

Александр смотрел на него невидящими глазами.

— Зачем? — спросил Император. — Зачем тебе понадобилось убивать Корнелия публично? Почему нельзя было просто отправить ему приказ в лагерь?

Сталкер позволил себе паузу. Медленно, с механическим щелчком сервоприводов, он отстегнул фиксаторы на горле и снял маску.

Лицо под ней оказалось бледным, лишенным всякого волосяного покрова. Кожа была туго натянута на высокие скулы. Но самым страшным были глаза. Абсолютно нормальные человеческие глаза светло-серого цвета, окруженные сеткой мелких морщин. Человек, носивший эту маску добровольно, делал это не ради защиты от пепла. Он носил ее, чтобы скрыть тот факт, что он *может* дышать этим пеплом и чувствовать себя прекрасно.

— Потому что милосердие заразно, Цезарь, — сказал Сталкер своим настоящим голосом — тихим, чуть хриловатым баритоном. — Сегодня вы пожалели бы мальчишек-працников. Завтра вы посмотрели бы на бесполезность содержания гарнизонов в горах Загроса. После завтра Сенат потребовал бы вернуть права собственности потомкам тех парфянских князей, чьи головы насадил на пики ваш дед. Империя размякнет. Сердце Рима сгнило от избытка дешевого хлеба и чужих культов. Я очищаю не только землю Индии. Я провожу дезинфекцию вашей совести. Чтобы править миллиардом душ, вам должно стать скучно от вида крови. Боль должна вызывать у вас зевоту, а не рвоту.

Сталкер сделал шаг вперед. Октавия инстинктивно загородила мужа плечом, но Сталкер даже не посмотрел на нее. Все его внимание принадлежало Императору.

— Вы думаете, вы завоевываете мир, сир? — продолжал легат, нависая над Александром. — Нет. Мир давно принадлежит законам термодинамики и демографии. Вы просто приводите карту в соответствие с реальностью. Эти леса вырубят. Эту реку перегородят дамбами. Этих богов переплавят в арматуру для акведуков. Моя работа — сделать переход болезненным настолько, чтобы выжившие внуки индусов считали нынешний день Золотым веком по сравнению с тем, что устроил их обезумевший от огня дед. Страх — лучший цемент империи. Прочный, дешевый и огнеупорный.

Сталкер протянул руку. На его раскрытой ладони лежал небольшой латунный цилиндр размером с мизинец. Поверхность металла покрывала гравировка — лабрис, перечеркнутый шестерней.

— Знак Первого Очистителя, — сказал Сталкер. — Традиционная должность времен Суллы, восстановленная вашим указом сегодня утром. До заката мне нужны списки офицеров трибунала, проявивших излишнюю сентиментальность при сортировке пленников. Их имущество пойдет на расширение флота крематориев. Они станут первыми гражданами новой провинции Лакрима — Провинции Слез. Там нет почвы. Только соль и печи старых мануфактур.

Александр перевел взгляд с цилиндра на лицо легата. Он видел перед собой идеальное оружие. Нож, который осознал себя ножом и решил, что именно он держит повара за руку, а не наоборот.

Император взял знак. Латунь обожгла ладонь холодом.

— Какова моя роль, Первый Очиститель? — глухо спросил Александр. Впервые за долгие годы он почувствовал себя не источником власти, а деталью в механизме Сталкера.

— Ваша роль божественна, сир, — губы Сталкера тронула тень улыбки, не затронувшая глаз. — Вы должны стоять на холме. Держать пурпурный штандарт. Улыбаться, когда ветер дует со стороны печей, разнося запах победы. Вы — Солнце. Оно дает жизнь пшенице, но оно же выжигает пустыни. Никто не винит солнце за пустыню. Винят глупцов, решивших построить дом из соломы. Ваши солдаты будут любить вас за силу. Ваши враги будут бояться вас за неизбежность. А историю напишет ваша жена. Напишите хорошую историю, госпожа Октавия. Пусть наши дети читают о том, как мудрый Цезарь принес свет дикарям, забыв упомянуть, что свет этот исходил от погребальных костров.

Сталкер надел маску обратно. Щелчок фиксаторов прозвучал как удар судейского молотка. Развернувшись, он вышел из шатра так же беззвучно, как и вошел.

Некоторое время супруги молчали. Снаружи раздался новый звук — высокий, вибрирующий свист. Это паровые тракторы-тягачи волокли по черной земле разобранные секции гигантской железной дороги. Рим пришел всерьез и надолго. Деревянные рельсы индийских дорог пошли на растопку.

Октавия мягко отобрала у Александра латунный цилиндр. Она подошла к походному сундуку, открыла его и спрятала знак в специальный бархатный ложемент рядом с императорскими инсигниями.

— Поздравляю, любимый, — сказала она, закрывая замок сундука. — Сегодня твой двор стал совершенным. У тебя есть меч, который никогда не ржавеет от сомнений. Это стоило слез одного предателя.

Она вернулась к столу, взяла кисть для письма и окунула перо в чернила.

— Итак, начнем составлять отчет для Сената. Предлагаю заголовок: «О великодушном умиротворении восточных провинций и благотворном влиянии римской санитарии на местный климат». Начнем с описания чудесной погоды, которая установилась после устранения очагов гниения...

Александр молча прошел мимо нее. Он толкнул тяжелую кожаную створку выхода.

Ночь пахла гарью и озоном. Над полем висело багровое марево — остывающая земля отдавала накопленный жар. По черной пустоши, которую полчаса назад топтали сотни тысяч ног, теперь тянулись цепочки огней. Это шли манипулы Четвертого инженерного легиона. Они несли мерные рейки, теодолиты и мотки стальной проволоки.

Они размечали улицы будущего города.

Прямо поверх костей царя Пора центурионы вбивали первые колышки. Где-то вдали, заглушая шум реки, уже рокотали компрессорные станции, готовящие бетон для фундамента Форума.

Александр глубоко вдохнул ядовитый воздух Индии. Рвотный спазм больше не подступал к горлу. Внутри было пусто, холодно и легко. Стерильно.

Он спустился по ступеням трапа прямо в грязь. Поднял комок черного, жирного праха, растер его между пальцами, пока пыль не стала неотличима от грязи на его коже, и пошел туда, где инженеры чертили будущее. Ему предстояло заложить первый камень в основание храма Августу-Освободителю. Алтарь решили поставить точно на месте падения самого большого слона — там, где слой стекла в земле был особенно толстым.

Где-то высоко в небе, невидимый за облаками сажи, пролетел патрульный цепелин, неся ночную стражу над уснувшей навсегда Индией.

Глава 27. Штурм. Прорыв обороны Ганга

Рассвет над Гангом не принес прохлады. Он пришел вместе с липким, густым туманом, который пах не лотосами и священным дымом, как обещали жрецы в своих глиняных табличках, а мокрой ржавчиной, озоном от статического электричества и сладковатым смрадом разложения — запахом дельты великой реки, переваривающей саму себя.

Александр Август стоял на открытом капитанском мостике броненосца «Претор-ХII». Ветер, тяжелый от влаги, трепал его пурпурный палудаментум, но Император словно не замечал холода. Его лорика сегментата из уральской броневой стали была прошита сетью тонких

медных капилляров — система жидкостного охлаждения работала на пределе, гоня по трубкам ледяной антифриз из гималайских ледников, чтобы тело человека могло выдержать вес императорских регалий и нервное напряжение грядущего дня.

Сандалии из телячьей кожи утопали в ворсе персидского ковра, которым был застелен пол рубки. Ковер казался неуместным здесь, среди гудящих распределительных щитов, латунных манометров и запаха горячего машинного масла. Но Октавия настояла. Она говорила, что Рим правит миром не только через сталь баллист, но и через текстуру вещей. Сенатор стоит на мраморе, триумфатор идет по золоту, а Император смотрит на покоренные народы сквозь мягкий шелк Персеполя.

— Они до сих пор бьют в барабаны, — голос Октавии прозвучал ровно, без малейшего намека на сонливость. Всю ночь она провела за столом картографии, сверяя логистические таблицы снабжения флота. На ней не было доспехов — только строгий пеплос темно-алого цвета, цвет пролитой крови и нерушимого закона. Золотой венец-диадема покоился на ее волосах, стянутых в тугой узел. — Частота ударов составляет сто двадцать в минуту. Это ритм ритуального экстаза перед самопожертвованием. Пор вывел на берег всех, кто способен держать оружие. Включая храмовых танцовщиц.

Александр смотрел на северный берег сквозь линзы латунного перископа. Туман медленно рвался, обнажая колоссальную картину. Деревянные форты индусов уходили прямо в русло реки. Это были не просто крепости, это были искусственные острова, выращенные из стволов сала и тика. Бревна толщиной в три обхвата были стянуты полосами позеленевшей бронзы, а стыки залиты черной корабельной смолой. На вершинах бастioned горели сотни костров, бросая дрожащие отсветы на воду. Тысячи людей копошились там внизу, похожие со спины на колонии термитов.

— Я вижу их веру, — глухо ответил Александр, не отрываясь от окуляра. — Она похожа на наши первые деревянные остроги где-нибудь под Лугдунумом. Та же первобытная надежда на то, что дерево защитит от огня. Забавно. Мой тезка плакал, когда увидел, что завоевывать больше нечего. Мне повезло больше. Мир заканчивается не океаном песка. Он заканчивается бассейном этой грязной, вонючей лужи. Дальше идти физически невозможно — корпуса кораблей просто растворяются в солях.

Октавия подошла к столу, где лежала развернутая карта субконтинента. Ее пальцы с коротко стриженными ногтями коснулись свинцовой фигурки боевого слона, стоящего на слиянии рек.

— Физика — лучший союзник империи, муж мой. Мы потратили сорок миллионов сестерциев на дноуглубительные работы выше по течению. Мы спустили уровень воды на восемь метров. Их святыни теперь стоят на зыбком иле. Любое землетрясение или резкое изменение давления превратит эти деревянные горы в плавучие гробы. Сталкер докладывает о готовности саперов.

Тень легата возникла бесшумно. Система пневматических поршней в его экзоскелете работала тише дыхания спящего ребенка. От Сталкера пахло стерильной медью, камфорой и холодным потом металла. Лицо скрывала маска респиратора модели «Аэд» с тонко гравированным лавровым венком поверх фильтров. Никто не видел его глаз уже третий год, и эта анонимность делала его страшнее любого открытого лица.

— Инженерные манипулы вышли на рубеж сброса, Цезарь, — вокодер превращал человеческий голос в ровный, лишенный интонаций металл. — Давление во временных дамбах верховьев достигло критической отметки в четырнадцать атмосфер. Заряды кумулятивного типа заложены под всеми шестью основными быками старых шлюзов. Ждем вашего сигнала на синхронизированный подрыв. Если мы ошибемся хотя бы на две секунды, волна ударит в пустоту, и мы получим лишь локальное наводнение вместо тотальной деконструкции берега.

Александр опустил перископ. Механический скрип латунной оптики показался оглушительным в наступившей тишине мостика. Он снял тактический шлем, открывая лицо — осунувшееся, с тенями вокруг глаз, которые не могла скрыть даже божественная кровь рода Юлиев. Ему было тридцать восемь лет. Двадцать из них он провел в седле и кресле механика-водителя шагохода. Он прошел Германию, замерз во льдах Гипербореи, испепелил пески Парфии. Но Индия ощущалась иначе. Здесь кончался металл Империи и начиналась плоть мира, такая же древняя, сырая и неповоротливая, как ил Ганга.

— Доктрина? — спросил Император, глядя мимо Сталкера на мигающие индикаторы пульта управления турбинами.

— Доктрина Стерильности фазы «Бис», утвержденная вами вчера на закате, — отчеканил легат. — После гидродинамического сноса деревянных укреплений территория классифицируется как зона нулевого сопротивления. Население старше пяти лет подлежит термической утилизации для предотвращения будущих восстаний и экономии провианта первого года оккупации. Дети до пяти лет — изъятие для транспортировки в имперские воспитательные колонии Генуи и Остии. Лес вдоль русла — сплошная вырубка для нужд римского флота. Река — очистка от священных животных, установка паровых генераторов системы Архимеда-Медичи.

Александр почувствовал приступ тошноты. Не от речной вони, а от математической чистоты этого безумия. Он вырос на историях о *clementia* — великодушии Рима. О том, как варвар становится гражданином, если целует орлов легионов. Сталкер предлагал другой путь. Путь бетона, абсолютной гигиены и тишины. Пустота, присоединенная к Империи. Это было эффективно. Это снимало проблему налогов, ассимиляции и потенциальных Спартаков. Но глядя на черные силуэты индусов в тумане, Александр впервые усомнился: останется ли он человеком, отдав приказ нажать на рычаг?

— Начинай, — сказал Император. Слово вышло сухим, царапающим горло.

Октавия положила свою ладонь поверх его руки, сжимающей рукоять командирского жезла. Ее хватка была железной. Ногти впились в сталь наруча.

— Давление в норме, — тихо сказала она, обращаясь скорее к мужу, чем к обстановке боя. — Если ты остановишься сейчас, посмотрев на этих несчастных, казначейство объявит дефолт через полгода. Эти леса должны кормить Рим следующие двести лет. Варварам хватит и пепла. Подумай о сыне. Марк должен получить провинцию, которая платит налоги зерном, а не трупами самоубийц.

Сталкер коротко кивнул. Маска скрыла движение его губ, но сервоприводы шеи издали едва слышный щелчок. Легат спустился по трапу вниз, к открытому люку своей личной штабной «Химеры», пришвартованной к корме броненосца.

Над рекой повис тягучий, вибрирующий звук рога — сигнал, продублированный всеми громкоговорителями бронекорпуса. Низкая нота инфразвука заставила завибрировать кости черепа.

Мир замер на долю секунды. Было слышно, как потрескивает остывающий кожух главного калибра правого борта и как тяжело, с влажным присвистом, дышит сам Александр — фильтры его личного респиратора боролись с влажностью индийского утра.

Затем земля содрогнулась.

Это не было похоже на взрыв катапульты или удар метеорита. Сначала пришла вспышка — беззвучная, мертвенно-белая, вспыхнувшая глубоко под водой, там, где заряды Сталкера превратили донный ил в раскаленное стекло. Свет пробил толщу тумана, на мгновение превратив утренние сумерки в полдень Сахары.

А затем вернулась тьма. Миллионы тонн черного ила, поднятые детонацией со дна, поглотили солнце. Наступила абсолютная, звенящая тишина вакуума. Вода отступила.

Уровень Ганга упал мгновенно. Там, где секунду назад плескались мутные волны, обнажилось дно. Десятилетия гниющего мусора, исполинские скелеты сомов, перевернутые лодки и тысячи ошарашенных индусов, стоящих по колено в густой грязи. Священные колокольчики на их шеях издавали тихий, жалобный звон при каждом движении. Их богиня ушла. Оставила их.

Деревянные форты, потеряв подводную опору, начали оседать. Каменные основания быков ушли в разжиженный грунт. Огромные бревенчатые стены наскренились навстречу друг другу с ужасающим, протяжным скрипом разрываемого дерева. Люди на стенах кричали, но их голоса тонули в нарастающем низком гуле.

И тогда вернулась вода.

Она не хлынула. Она обрушилась. Накопленная масса верхнего течения, освобожденная из плена взорванных дамб, упала вертикально вниз по законам всемирного тяготения. Это был не поток. Это был поршень. Стена коричневой, густой, как расплавленный битум, воды высотой в сорок человеческих ростов.

Вал врезался в оседающие форты. Древесина не выдержала столкновения с несжимаемой массой жидкости. Звук разрушения напоминал перемалывание гигантскими шестернями целого континента. Ударная волна сорвала крыши с храмов Бенареса в ста милях позади линии фронта.

Стены фортов складывались внутрь себя, превращаясь в щепу. Башни отрывало вместе с фундаментами. Людей, слонов, осадные орудия — всё, что секунду назад составляло гордость армии Маурьев, превратило в однородную взвесь органического мусора внутри водяного вала. Слоны, почитаемые как живые воплощения Ганеши, исчезли первыми — их массивные туши сыграли роль волноломов, приняв основной удар на свои бока, прежде чем быть перемолотыми в фарш.

Вал прошел сквозь линию укреплений, даже не заметив их. Обломки деревянного храма пронеслись мимо бронированного борта «Претора» со скоростью курьерского поезда. Пятидесятикилограммовое бревно, кувыряясь в воздухе, снесло наблюдательную корзину аэростата связи, висевшую в двухстах метрах по левому борту. Корзина рухнула в воду, увлекая за собой перепутанные тросы.

«Претор» содрогнулся так, что серебряная чернильница на столе картографии взлетела в воздух и выплеснула содержимое — густые красные чернила государственной важности — прямо на колени Императору. Александр удержал равновесие, инстинктивно впившись пальцами свободной руки в стальной поручень. По толстому стеклу обзорного иллюминатора сплошным ревущим потоком летела грязь, смешанная с кровью.

— Дистанция до гребня волны — пятьдесят метров! — крикнул старший механик, считывая данные с дальномера. Его лицо было серым, зубы выбивали дробь. — Турбины левого борта ловят воздушный пузырь! Есть риск перегрева подшипников!

— Переключить охлаждение на резервный контур! — рявкнул Александр, пытаясь перекрыть рев стихии. — Держать курс! Нос по вектору удара!

Октавия не произнесла ни слова. Когда корабль потрянуло вторично, швырнув на палубу несколько младших офицеров штаба, она осталась стоять, широко расставив ноги и вцепившись в край стола. Красные чернила медленно пропитывали складки ее дорогого шерстяного плаща, создавая причудливый узор, похожий на карту неизведанных земель. Она смотрела на приближающуюся стену воды абсолютно сухими, внимательными глазами хозяйки, оценивающей ущерб от пожара на вилле.

Волна ударила в борт.

Звук был физическим. Он проник сквозь сталь, сквозь титановую основу костей, заполнил собой черепную коробку и попытался вытряхнуть мозг. Броненосец весом в двенадцать тысяч тонн взмыл вверх, вставая на дыбы под углом почти в сорок градусов. Палуба ушла из-под ног. Ковры, мебель, люди, карты — всё посыпалось к задней стене рубки. Александр впечатался спиной в пульт управления огнем, чувствуя, как хрустят ребра. Манометр давления пара лопнул рядом с его лицом, обдав щеку дождем стеклянной крошки и горячего спирта.

Вода перехлестнула через мостик. Иллюминаторы погрузились в мутную, вращающуюся бездну. За стеклом проплыла целая половина крепостной башни, все еще объятая пламенем факелов, прикрепленных к ее стенам. Какая-то женщина в желтых одеждах жреца вцепилась в резной карниз окна, ее рот был открыт в беззвучном крике, пока течение не оторвало ее и не унесло прочь, крутя, словно щепку.

Корабль падал обратно в реку. Удар о воду был подобен столкновению с горой. Мостик накренился в обратную сторону. Александра швырнуло вперед, грудью прямо на бронзовые шипы переговорной трубы. Воздух покинул легкие. В глазах потемнело.

Сквозь звон в ушах он услышал голос Октавии. Она стояла на четвереньках посреди разгромленной рубки, намертво вцепившись ногами кинжала в скобу на полу. Кровь текла по ее виску из глубокой раны, но голос оставался ровным:

— Левый вал дает вибрацию... Критическое падение давления в котельном отделении номер два... Потери экипажа на верхней палубе уточняются...

Александр сплюнул кровь и морскую воду. Он встал. Ноги дрожали, но позвоночник выпрямился. Пурпурный плащ превратился в тяжелую, мокрую тряпку, тянущую к земле. Император подошел к разбитому иллюминатору, осторожно переступая через тела раненых связистов.

Ганг изменился навсегда. Там, где стояли неприступные цитадели, зияла пустота. Река расширила свое русло втрое. Береговая линия исчезла; теперь граница между Индией и водой представляла собой полосу жидкого ада шириной в милю — месиво из ила, обломков тел, золотых украшений, разорванных в клочья знамен и целых деревьев, вырванных с корнем. Вода уходила, оставляя после себя спекшуюся, дымящуюся корку, покрытую тонким слоем серого праха.

Запах стоял невыносимый. Смесь озона, йода и того специфического железистого аромата, который исходит только от вскрытой человеческой утробы в промышленных масштабах.

— Потери? — прохрипел Александр, прижимая ладони к саднящему лицу.

Сталкер возник рядом совершенно бесшумно. Вода стекала с его черного комиссарского плаща, собираясь в лужицы на наклонной палубе. Респиратор покрывал половину лица толстым слоем жирной речной грязи, но индикаторы на скулах сменили цвет с тревожного красного на спокойный изумрудный — системы жизнеобеспечения работали штатно.

— Саперные баржи уцелели полностью, — доложил легат. — Девять процентов личного состава инженерных войск списано в безвозвратные потери. Тех, кого затянуло в образовавшуюся воронку при схлопывании русла. Неплохой показатель для операции такого масштаба. Линейные когорты потерь не понесли. Мы уничтожили армию царя Пора, не обнажив гладиусов. Эффективность расхода ресурсов превышает расчетную на семнадцать процентов.

Александр смотрел на него невидящими глазами. Он перевел взгляд на Октавию. Она сидела на корточках возле упавшего шкафа с навигационными картами, методично очищая лезвие своего кинжала краем чудом уцелевшего свитка папируса. Закончив, она промокнула рану на виске тем же папирусом, поморщилась и спрятала клинок в ножны.

— Впечатляющий расход ресурсов ради экономии на пехоте, — горько усмехнулся Александр, глядя на свой испачканный чернилами палудаментум.

— Ресурсы восполнимы, мой дорогой, — Октавия встала. Она двигалась плавно, несмотря на контузию, лишь слегка привлекая левую ногу. Она подошла к мужу, взяла его окровавленное лицо в свои ладони. Ее кожа была холодной. — А хороший центурион растет пятнадцать лет. Математика всегда на стороне тех, кто умеет считать трупы врага дешевле собственных обученных солдат. Посмотри туда.

Она указала подбородком на восток. Из-за пелены остаточного пара, подсвеченного восходящим солнцем, выползали темные тени. Это шли манипулы Четвертого инженерного легиона. Они не бежали, они маршировали. Мерный шаг тяжелых калиг по спекшейся грязи звучал как удары кузнечного молота по наковальне. Они несли мерные рейки, теодолиты и мотки стальной проволоки. Прямо поверх костей царя Пора, прямо по полосе прибоя нового, искусственного пляжа, центурионы вбивали первые деревянные колышки. Где-то вдали, заглушая шум отступающей реки, уже рокотали компрессорные станции, готовые бетон для фундамента Форума.

— Мы потеряли один аэростат и трех писарей, — продолжила Октавия, не убирая рук от лица мужа. — Взамен мы получили прямой выход к столице Магадхи по воде для наших тяжеловозов класса «Атлант». Нам не нужно штурмовать броды. Мы подвезем осадные башни прямо к дворцовым воротам по новому фарватеру. Экономический эффект... впечатляет. Нам не нужно будет везти золото на выкуп зерна из Египта в следующем году. Эта земля прокормит сама себя. Вернее, то, что от нее останется после первичной мелиорации.

Александр перехватил ее запястье. Хватка Императора была жесткой, причиняющей боль. Он заставил жену посмотреть ему в глаза. Вокруг них сустились медики, бинтуя головы контуженым офицерам, двое преторианцев пытались поднять перевернутый стол картографии.

— Сколько погибло на берегу? — спросил он тихо, так, чтобы слышал только он и она. — Настоящие цифры, Октавия. Не твой бухгалтерский отчет для Сената.

Лицо женщины на мгновение дрогнуло. Маска идеальной супруги дала трещину, обнажив нечто холодное, чешуйчатое и бесконечно древнее. Она высвободила руку и аккуратно поправила сбившийся золотой венец на своих волосах.

— Алекс, любовь моя, — ее голос стал мягким, почти материнским. — Что ты хотел увидеть на краю Ойкумены? Цветущие сады? Варваров, бросающих цветы под гусеницы твоих танков? Мы принесли сюда закон. Закон требует жертвоприношений. Если бы мы оставили этих людей в живых, через десять лет нам пришлось бы вернуться. И тогда Крематории работали бы уже в Антиохии и Риме. Мы вырезали опухоль до того, как она дала метастазы. Корнелий ошибся не в морали. Он ошибся в математике. Этих людей нельзя перевоспитать. Нельзя научить латыни. Они рождены поклоняться своим деревянным идолам. Мы дали им быструю смерть. Завтра мы засеем эту землю пшеницей, которую вырастят наши машины. И через поколение никто не вспомнит царя Пора. Останется только **Pax Romana**. Ради этого стоит замарать руки. Даже твои.

Она улыбнулась той самой улыбкой, которой подписывала эдикты о повышении налогов, от которых вымирали целые провинции. Улыбкой любящей жены, успокаивающей расстроенного супруга.

Александр отвернулся. Он посмотрел на горизонт. Над полем недавнего сражения, которое теперь стало дном новой бухты, поднималось багровое море — остывающая земля отдавала накопленный жар катастрофы. По черной пустоши, которую полчаса назад топтали сотни тысяч ног, ползли цепочки огней. Это шли прожекторы ремонтно-эвакуационных бригад, вытаскивающих из ила завязшие транспорты.

Он чувствовал чудовищную усталость, которая приходит только после абсолютно безупречной, хирургически точной бойни. Никакого героизма. Никакого звона клинков. Только давление воды, сопромат и идеально рассчитанный тайминг. Он выиграл войну против физики. Он сокрушил дерево цунами. Но в тот момент, когда корабль встал на дыбы, настоящая власть в Империи окончательно перешла из рук солдата в руки этой спокойной женщины с кровавой ссадиной на виске.

— Распорядись подготовить шлюпку, — приказал Александр, не поворачиваясь. — Мне нужен гранит. Тот самый валун, о котором докладывали геодезисты, торчащий ровно посередине бывшего главного русла. Я заложу первый камень фундамента Форума Августа прямо

сейчас. Пусть будущие поколения знают, что столица этой провинции стоит не на берегу. Она стоит на дне побежденной реки.

Октавия кивнула одному из трибунов. Тот, хромая, бросился передавать приказ.

— Я распоряжусь также насчет смены одежды, — деловито добавила она. — Этот палудаментум более никуда не годится. И вызови врача, твоя грудная клетка выглядит скверно. Несколько переломов ребер могут помешать тебе торжественно махать молотком перед сенаторами.

Сталкер наблюдал за сценой с профессиональным интересом анатома. Он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию. От него пахло сухой пылью и озоном.

— Операция «Артезия» завершена успешно, сир, — доложил легат. Голос вокодера звучал удовлетворенно. — Биомасса противника переработана течением. Крупные фракции задержаны новыми отмелями ниже по течению — мои люди уже выставляют там сети для сбора древесного угля. Идеальное топливо для паровиков. Потери личного состава гвардии при ликвидации выживших на оставшихся островах составили ноль целых две десятых процента — один случай дезертирства. Дезертира скормливают системе крематория последней очереди. Экземпляр оказался упитанным, процесс идет штатно.

Александр медленно повернул голову. Он смотрел на маску легата, на этот гладкий, отполированный кусок бронзы, за которым скрывалось человеческое лицо. Кто такой Сталкер? Продукт евгеники? Машина в коже? Или единственный нормальный человек в сошедшем с ума мире, просто выбравший максимально эффективную форму существования?

— Зачем? — спросил Император внезапно охрипшим голосом. — Зачем тебе понадобилось убивать Корнелия публично неделю назад? Почему нельзя было просто отправить ему приказ в лагерь?

Сталкер позволил себе паузу. Медленно, с механическим щелчком сервоприводов, он отстегнул фиксаторы на горле и поднял респиратор.

Лицо под ним оказалось бледным, лишенным всякого волосяного покрова. Кожа была туго натянута на высокие скулы. Но самым страшным были глаза. Абсолютно нормальные человеческие глаза светло-серого цвета, окруженные сеткой мелких морщин от частого прищуривания. Человек, носивший эту маску добровольно, делал это не ради защиты от пепла. Он носил ее, чтобы скрыть тот факт, что он может дышать этим пеплом и чувствовать себя прекрасно.

— Потому что милосердие заразно, Цезарь, — сказал Сталкер своим настоящим голосом — тихим, чуть хрипловатым баритоном, который странно контрастировал с мертвой маской. — Сегодня вы пожалели бы мальчишек-пращников, смытых волной. Завтра вы посмотрели бы на бесполезность содержания гарнизонов в горах Загроса. Послезавтра Сенат потребовал бы вернуть права собственности потомкам тех парфянских князей, чьи головы насадил на пики ваш дед. Империя размякнет. Сердце Рима сгнило от избытка дешевого хлеба и чужих культов. Я очищаю не только землю Индии. Я провожу дезинфекцию вашей совести. Чтобы править миллиардом душ, вам должно стать скучно от вида крови. Боль должна вызывать у вас зевоту, а не рвоту.

Сталкер протянул руку. На его раскрытой ладони лежал небольшой латунный цилиндр размером с мизинец. Поверхность металла покрывала глубокая гравировка — лабрис, перечернутый шестерней.

— Знак Первого Очистителя, — сказал Сталкер. — Традиционная должность времен Суллы, восстановленная вашим вчерашним указом. До заката мне нужны списки офицеров трибунала, проявивших излишнюю сентиментальность при сортировке пленников, спасшихся на верхних ветвях баньяна. Их имущество пойдет на расширение флота транспортных барж. Они станут первыми гражданами новой провинции Лакрима — Провинции Слез. Там нет почвы. Только соль и печи старых мануфактур.

Александр перевел взгляд с цилиндра на лицо легата. Он видел перед собой идеальное оружие. Нож, который осознал себя ножом и решил, что именно он держит повара за руку, а не наоборот.

Император взял знак. Латунь обожгла ладонь холодом. Металл казался живым, пульсирующим в такт биению его собственного, поврежденного сердца.

— Какова моя роль, Первый Очиститель? — глухо спросил Александр. Впервые за долгие годы он почувствовал себя не источником власти, не центром Вселенной, а деталью в огромном, смазанном кровью механизме Сталкера.

— Ваша роль божественна, сир, — губы Сталкера тронула тень улыбки, не затронувшая глаз. — Вы должны стоять на холме. Держать пурпурный штандарт. Улыбаться, когда ветер дует со стороны печей, разнося запах победы. Вы — Солнце. Оно дает жизнь пшенице, но оно же выжигает пустыни. Никто не винит солнце за пустыню. Винят глупцов, решивших построить дом из соломы. Ваши солдаты будут любить вас за силу. Ваши враги будут бояться вас за неизбежность. А историю напишет ваша жена. Напишите хорошую историю, госпожа Октавия. Пусть наши дети читают о том, как мудрый Цезарь принес свет дикарям, забыв упомянуть, что свет этот исходил от погребальных костров и отражался в теле цунами.

Сталкер надел маску обратно. Щелчок фиксаторов прозвучал как удар судейского молотка, закрывающего дело. Развернувшись, он вышел из разгромленной рубки так же беззвучно, как и вошел, оставив супругов наедине с гулом двигателей и запахом чужой смерти.

Некоторое время Александр и Октавия молчали. Снаружи раздался новый звук — высокий, вибрирующий свист. Это паровые тракторы-тягачи волокли по черной земле разобранные секции гигантской железной дороги. Рим пришел всерьез и надолго. Деревянные рельсы индийских путей сообщения пошли на растопку котлов самих тягачей.

Октавия мягко отобрала у Александра латунный цилиндр. Она подошла к походному сундуку, обитому изнутри алым бархатом, открыла его и спрятала знак в специальный ложемент рядом с Большим Императорским Рубином.

— Поздравляю, любимый, — сказала она, закрывая замок сундука ключом, который повесила себе на шею. — Сегодня твой двор стал совершенным. У тебя есть меч, который никогда не ржавеет от сомнений. Это стоило слез одного предателя и нескольких сломанных ребер. Хорошая сделка.

Она вернулась к столу, достала из ящика чистую восковую табличку и стиль. Солнечный луч, наконец пробивший остатки тумана, осветил ее профиль, делая черты хищными и прекрасными.

— Итак, начнем составлять предварительный отчет для Сената, пока события свежи в памяти, — деловито предложила Октавия, макая острие стиля в воск. — Предлагаю заголовок: «О великодушном умиротворении восточных провинций посредством благого вмешательства

Юпитера в гидравлику местных рек». Начнем с описания чудесной погоды, которая установилась после устранения очагов гниения...

Александр молча прошел мимо нее. Он толкнул тяжелую стальную створку выхода на внешнюю галерею. Петли протестующе взвизгнули.

Ночь встретила его дыханием горя и влажной земли. Над полем, бывшим некогда величайшей армией Востока, висело багровое марево — планета отдавала накопленный жар катастрофы. Александр глубоко вдохнул ядовитый воздух Индии. Рвотный спазм больше не подступал к горлу. Внутри было пусто, холодно и легко. Стерильно.

Он спустился по ступеням трапа прямо в теплую, жирную грязь нового пляжа. Нагнулся, зачерпнул пригоршню серого праха, оставшегося от чего-то живого, растер его между пальцами, пока пыль не стала неотличима от грязи на его коже, и пошел туда, где инженеры чертили будущее белой известью по черному стеклу спекшегося песка.

Ему предстояло заложить первый камень в основание храма Августу-Освободителю. Алтарь решили поставить точно на месте падения самого большого слона — там, где слой вулканического стекла в земле был особенно толстым и красиво переливался на солнце всеми цветами запекшейся крови.

Где-то высоко в небе, невидимый за редкими облаками, пролетел патрульный цепелин, неся ночную стражу над уснувшей навсегда старой Индией. Война закончилась. Начиналось строительство.

****Часть II. Анатомия порядка****

Шлюпка ткнулась носом в новенький, пахнущий свежей сосной пирс спустя четыре часа. За это время природа, подстегнутая инженерами Рима, сделала работу, на которую у обычных строителей ушли бы месяцы. Уровень воды стабилизировался, войдя в новое, принудительное русло. Течение стало быстрее, чище и агрессивнее — оно жадно подмывало любые неровности, стремясь к идеальной параболе, нарисованной в чертежах Сталкера.

Александр ступил на доски пирса. Ноги, уставшие от многочасового стояния, отозвались тупой болью. Рядом, опираясь на его плечо куда сильнее, чем позволял этикет императрицы, шла Октавия. Ее левый глаз заплывал роскошным фиолетовым синяком — последствием падения в рубке. Вместо того чтобы прикрыть его челкой или нанести свинцовые белила, она велела придворному врачу наложить на веко прохладный компресс из коры дуба и теперь демонстрировала травму миру с вызывающей гордостью. Синяк был печатью реальности. Доказательством того, что физика подчиняется даже женам императоров, если вовремя не схватиться за леер.

Их встречали.

Центурион почетной когорты, чья лорика сияла так, что больно было смотреть, ударил посохом о доски.

— Император! Славься!

Ряды легионеров, выстроившихся вдоль пирса, ударили правой кулаком в грудь. Слитный лязг металла прозвучал как единый вздох. Для них Александр все еще был Солнцем. Тем самым, о котором говорил Сталкер. Они не видели рубку «Претора», не чувствовали запаха блевотины и страха, не слышали монотонного гула крематориев далеко на юге. Они видели пурпур и золотую вязь нагрудника.

Максимус Клавдий, префект анноны (ведомства продовольствия), ждал чуть поодаль. Сухой, как саранча, мужчина с кожей цвета старого пергамента. Он держал в руках раскрытый кодекс учета.

— Сир, — поклонился он, не сгибая спины слишком низко, дабы не рассыпать бумаги. — Предварительная оценка урожая затопленных террас показывает потерю восьми процентов посевов проса. Однако анализ ила, оставленного волной, выявил содержание нитратов, превышающее норму в сорок раз. Если начать сев немедленно, используя амбары Бенареса, мы компенсируем потери к зиме. Кроме того, в заводах осталось около четырехсот тысяч тонн рыбы, убитой резким изменением солености. Мои интенданты уже распорядились ставить сети. Соленая рыба отлично хранится, это решит проблему белкового пайка для Девятого Железного легиона на ближайшие три месяца.

Александр слушал его, глядя поверх головы чиновника. Его взгляд скользил по тому месту, где еще утром стояли деревянные форты. Теперь там была идеально ровная площадка, утрамбованная паровыми катками. Ни одной лишней кочки, ни одного торчащего корня. Геометрия смерти, приведенная к государственному стандарту ГОСТ-II.

— Рыбу отдать местным, — бросил Император. — Ту, что начала портиться. Бесплатно. Организуйте раздачу у бывших западных ворот. Пусть видят щедрость Рима. Проследите, чтобы зерно для раздачи было старым, прошлогодним, мелкодробленным.

Октавия одобрительно сжала его локоть. Максимус Клавдий захлопнул кодекс.

— Будет исполнено, сир. Акция милосердия создаст дефицит рабочей лояльности и снизит вероятность саботажа на лесоповалах. Умно.

Они двинулись вглубь плацдарма. Дорогу им расчищали ликторы, разгоняя толпы гражданских инженеров, маркитантов и военных корреспондентов из ведомственной газеты «Вестник Вечности». Те суетились с навощенными дощечками, стараясь запечатлеть каждый шаг Цезаря. Октавия на ходу раздавала указания секретарям:

— Запишите: запросить из метрополии дополнительные партии синего стекла для окон дворца губернатора. Местный песчаник дает желтизну, это угнетает дух служащих. Далее: составить список имен архитекторов, допустивших использование архаичной арочной системы в проекте временного госпиталя. Казнить троих самых пожилых. Молодежь должна учиться строить быстро и линейно. Купол — вот форма будущего. Арки оставляют ненужные пустоты, где плодятся крысы и сомнения.

Александр шел, принимая эту болтовню как фоновый шум. Белый шум работающей империи. Он смотрел на людей.

Вот группа пленных индусов в оранжевых робах — бывшие жрецы Ганги. Сейчас они, закатав штаны, таскали мешки с цементом под надзором одноглазого капрала с сиплым голосом. Капрал периодически отвешивал им ускорения плоской стороной пилума по ягодицам, если они сбивались с ритма. Один из жрецов обернулся. Его лицо было покрыто цементной пылью, подчеркивающей глубокие морщины страдания. Он встретился взглядом с Алексан-

дром. В глазах индуса не было ненависти. Там была выжженная дотла пустота. Полное отрицание реальности. Его мир закончился сегодня утром, в девять часов сорок минут по солнечному времени, и разум отказался фиксировать то, что пришло следом.

Процессия достигла центра площадки. Там, обложенный дубовыми козлами, возвышался гранитный монолит. Черный, в красных жилах, мокрый от недавних вод Ганга. Вес камня составлял примерно восемнадцать тысяч килограммов. Доставка его из русла обошлась казне в стоимость хорошего поместья в Кампании.

Главный архитектор, молодой выскочка из Афин по имени Лисандр, подбежал с серебряным мастерком. На лезвии мастерка была выгравирована дата: *Anno Urbis Conditae 2748*.

— Ваше Величество, дренаж подготовлен, — зататорил Лисандр, всплескивая руками. — Основание уплотнено смесью базальтовой крошки и крови буйвола. Местные верят, что это придает прочность. Мы решили не спорить с этнографией, это экономит время на уговоры. Фундамент примет нагрузку в шестьдесят талантов на квадратный палец.

Александр принял мастерок. Инструмент был тяжелым и неудобным. Император Рима, повелитель полумира, стоял с кельмой в руке, как обычный подрядчик. В этом была своя, извращенная поэзия власти.

— Раствор, — напомнил Сталкер, выступая из-за спин преторианцев. Он сменил черный плащ на белый инженерный хитон, но маска оставалась на лице. Лишь индикаторы сменили цвет на деловой желтый.

Раб-прислужник подал ведро. Серая, пузырящаяся масса. Обычный римский бетон — изобретение, позволившее Империи перешагнуть через Средиземное море. Смесью извести, пуццоланы и щебня.

Александр окунул лезвие мастерка в раствор. Холодная жижа чавкнула. Он поднес инструмент к камню. Рука дрогнула.

Перед глазами снова встала картина: стена воды, поднимающая корабль, и Октавия, спокойно вытирающая кровь с виска, параллельно вычисляя тоннаж сэкономленного зерна. Вспомнился Корнелий Лонг, месяц назад отказавшийся служить.

Вспомнился Корнелий Лонг, месяц назад отказавшийся служить детоубийце и протянувший свой фалькату рукоятью вперед. Вспомнилась пустота в глазах жреца, несущего мешок с римским цементом.

Рука перестала дрожать. Холод отвращения к самому себе выжег остатки человеческой слабости. Александр Август поднес мастерок к шершавой поверхности гранита.

Первая порция раствора легла на камень с влажным, чавкающим звуком. Вязкая масса расплзлась неровным пятном. Император провел шпателем сверху вниз, выравнивая слой резким, злым движением кисти. Это был жест не строителя, а палача, стирающего кровь с лезвия. Раствор стал ровным, матовым слоем, скрывающим истинный цвет камня.

— *Dei immortales concordisque mores...* — начал он стандартную формулу закладки, но голос сорвался. Сухость во рту была невыносимой. Александр сглотнул, чувствуя привкус желчи. — Во славу Юпитера Наилучшего Величайшего и Сената Римского...

Октавия тут же шагнула ближе, закрывая мужа собой от взглядов ликтората и корреспондентов. Ее шепот был острым, как игла:

— Не мямли, Алекс. Они смотрят. Ты закладываешь первый камень провинции Ганга, а не извиняешься перед лавочником за кислое вино. Выше подбородок. Улыбку. Самую хищную из твоих улыбок. Дай им увидеть зубы волка.

Александр вскинул голову. Солнечный луч отразился от его золотого нагрудника, ударив толпе по глазам. Он расправил плечи, сбрасывая усталость последних суток, словно тяжелый мокрый плащ. Лицо Императора превратилось в прекрасную, безжизненную маску. Он зачерпнул вторую порцию бетона. Теперь движения были точными, экономичными, почти изящными. Он работал быстро, заполняя пространство между основанием и монолитом, выдавливая лишний воздух. Камень медленно, миллиметр за миллиметром, садился на свое вечное ложе.

Когда последний угол гранитной глыбы коснулся фундамента, Октавия взяла у архитектора серебряный молоточек и протянула мужу.

— Пять ударов, любимый. По числу букв в имени нашего сына.

Первый удар. Гулкий звон металла о камне разнесся над плацдармом. Эхо вернулось искаженным, похожим на крик утопленника из водоворота Ганга.

Второй удар. Вибрация прошла по ногам, отдаваясь в поврежденных ребрах тупой болью.

Третий удар. С вершины ближайшего флагштока сорвалась ворона и, отчаянно каркая, скрылась за клубами пара, поднимающимися от остывающей земли.

Четвертый удар. Толпа инженеров и солдат взорвалась нестройным, но одобрительным ревом.

Пятый удар.

Тишина вернулась оглушительной. Дело было сделано. Гранит соединился с бетоном. Физически эта точка пространства больше никогда не будет принадлежать Индии. Она стала частью метрополии.

Лисандр подбежал с мраморной табличкой. Еще один раб капнул на нее горячим варом.

— Позвольте мне, Цезарь? — Лисандр проворно вдавил табличку в еще мягкий бетон у подножия монолита.

Александр склонился, читая свежую надпись: *«IMP. CAESAR AUGUSTUS. PONTIFEX MAXIMUS. FUNDAMENTUM PROVINCIAE GANGA POSUIT. ANNO 2748»*. Ниже стояла мелкая приписка, сделанная рукой Октавии уже после того, как глину обожгли в печи: *«Ex cinere imperium surgit» — «Империя восстает из пепла»*.

— Инженерный отчет через час, сир, — раздался за спиной голос Сталкера. Легат подошел бесшумно, держа в руках кожаную папку с тиснением орла. — Предварительные данные по гидродинамическому моделированию подтверждают успех. Скорость течения увеличилась на три узла. Осадка судов класса «Атлант» при полной загрузке составит четыре локтя. Мы сможем провести тяжелые осадные башни прямо к дворцовым ступеням Маурьи. Предлагаю начать буксировку первой секции наплавного моста немедленно. Луна даст достаточно света для работ.

Александр выпрямился, возвращая мастерок архитектору. Его пальцы были серыми от цементной пыли. Он посмотрел на свои руки, затем на черную полосу горизонта, где угадывались очертания вражеской столицы.

— Мост начинайте сейчас, — приказал он. — Я хочу завтракать завтра на веранде дворца Пора, глядя на восход солнца над нашим Форумом. Передайте командирам когорт: отставить грабежи в прибрежной зоне. Вся медь и бронза идут в переплавку Четвертому легиону. Дерево — на балки мостов. Люди... Всех мужчин старше десяти лет, способных стоять на ногах, согнать в колонны. К утру они должны быть распределены по бригадам. Первая очередь идет на расчистку русла от трупов. Вторая — на рытье водоотводных каналов. Кто попытается лечь и умереть — бросать в бетономешалки. Нам нужен этот раствор для южных пирсов.

Сталкер принял приказ с легким поклоном. Для него слова об утилизации людей звучали так же буднично, как распоряжение о поставках ячменя.

— Будет исполнено. Служба Трибунала запрашивает ваше подтверждение полномочий: казнь тридцати двух центурионов Серебряной Алаэ за отказ применять огнеметы против гражданских лиц, укрывшихся в роще Ашваттхи. Командир манипулы заявил, что деревья священны.

Александр даже не замедлил шага, направляясь обратно к шлюпке.

— Священны были их жены и дети, которых смыла волна, которую мы создали, — бросил он через плечо. — Эти тридцать два идиота нарушили главный закон логистики: сентиментальность вызывает заторы. Децимация. Остальных лишит гражданства и отправить чистить канализацию Термополиса до конца жизни. Напиши эдикт: «В Риме нет священных деревьев. Есть только пиломатериалы». Подпись моя.

Обратный путь к «Претору-ХII» занял меньше времени. Река теперь работала на них, ускоряя движение баркасов. Броненосец выглядел чудовищно. Боевая машина напоминала ветерана, выжившего после падения с крепостной стены. Правый борт был иссечен царапинами от древесных обломков, носовой таран погнут, а обзорная рубка зияла выбитым окном, закрытым временной заслонкой из промасленной кожи. Из пробитой топливной цистерны на корме все еще сочилась густая бурая жидкость, оставляя на воде радужный след.

На палубе их ждал импровизированный лазарет. Главный врач Империи, Галл Приск, человек с лицом хорька и руками пианиста, встретил Императора у самого трапа.

— Сир, рентгеноскоп показывает трещину шестого и седьмого ребра слева, — сообщил он, пока преторианцы помогали Октавии подняться на борт. — Плюс обширная гематома грудной клетки. Вам категорически запрещено носить твердую кирасу в течение трех недель. Любое резкое движение может привести к проколу плевры. Кровохарканье есть?

— Только моральное, доктор, — хрипло ответил Александр, отталкивая руку врача. — Давай сюда свою микстуру и проваливай. Мне нужно кресло и связь с флотом.

Октавия остановила попытавшегося ретироваться врача одним взглядом.

— Оставьте нас, Галл. И пришлите ко мне начальника интендантской службы. Императрицу слегка контузило, ей нужны тишина и свежие ведомости поставок шелка.

Как только дверь императорской каюты закрылась, отрезая их от внешнего мира, маска идеальной правительницы сползла. Октавия тяжело опустилась на край кровати. Синяк под

ее глазом налился густой сине-черной тьмой. Она пошевелила пальцами левой ноги и поморщилась.

— Этот пьяница-интендант опять привез вместо финикийского стекла битые бутылки из Капуи, — простонала она, стаскивая с ноги украшенную жемчугом сандалию. — Если мой палец посинеет, я прикажу содрать с него кожу лично. Садись, Алекс. Ты выглядишь хуже моего пальца.

Александр рухнул в походное кресло из полированного черного дерева. Кресло протестующе скрипнуло. Император сидел, запрокинув голову, глядя на лопасти потолочного вентилятора, лениво разгоняющие горячий, пахнущий железом воздух. Тело начало мелко, неконтролируемо дрожать — отходняк после колоссального выброса адреналина.

— Я чуть не упал там, на камне, — признался он тихо. Голос казался чужим. — Когда ты дала мне молоток. Руки стали ватными. Я подумал: если я упаду сейчас, если просто растянусь на этом растворе, всё закончится. Они решат, что это дурной знак. Боги отвернулись.

Октавия доковыляла до него. Опустившись на колени — жест абсолютной интимности и покорности, который она позволяла себе только наедине, — она положила его тяжелую, грязную голову себе на грудь. Ее сердце билось ровно и спокойно.

— Ты бы не упал, — сказала она, перебирая его слипшиеся от пота волосы. — Потому что сзади стоял Сталкер. А в его руке был кинжал. Я видела краем глаза. Если бы твоя рука дрогнула настолько, чтобы это заметили солдаты или писцы, он бы воткнул клинок тебе под лопатку, списал это на солнечный удар и продолжил церемонию сам. Держась твоей мертвой рукой за мастерок. Так что гордись, муж мой. Ты победил сегодня не только Индию. Ты победил собственную физиологию на глазах у пяти тысяч свидетелей. История любит красивые жесты, совершенные людьми с переломанными костями.

Она мягко оттолкнула его и встала. Достала из дорожного сундука флакон темного стекла. Резкий запах макового отвара и вина поплыл по каюте.

— Пей. До дна. Тебе нужно поспать хотя бы два часа, прежде чем мы подойдем к Бенаресу. Завтра нам предстоит принимать делегацию сдавшейся знати. Они будут плакать, рвать на себе одежды и предлагать своих наложниц. Их нужно встречать свежим и жестоким.

Александр послушно выпил густую, приторную жидкость. Горло обожгло огнем. Тепло начало расходиться от желудка к конечностям, гася дрожь и боль в ребрах. Мир стал мягким, податливым.

— Октавия... — прошептал он, когда веки начали наливаться свинцом. — Что мы делаем? Ради чего этот бетон? Там, на берегу... тот жрец. Он смотрел сквозь меня. Мы убили их бога, построили алтарь, а ему все равно. Он уже мертв внутри.

Октавия забрала пустой флакон. Она села рядом, снова взяв его за руку. Ее хватка была жесткой.

— Послушай меня внимательно, брат мой, муж мой, бог мой, — сказала она очень серьезно. — Тот жрец смотрит сквозь тебя, потому что ты для него — землетрясение. Природный катаклизм. Разве можно ненавидеть цунами? Разве просят пощады у лесного пожара? Нет. От него прячутся, а потом приходят на пожарище собирать уголь для кузниц. Мы перестали быть людьми для них, Алекс. И это величайшая победа Рима за последние двести лет. Пока они видят в тебе человека, они могут надеяться договориться, отравить вино или ударить в

спину. Когда они видят стихию — они учатся подчиняться законам физики. Закон всемирного тяготения нельзя уговорить. Ему можно только следовать. Мы принесли им гравитацию.

Она наклонилась ниже, ее губы коснулись его уха.

— Сейчас ты уснешь. А когда проснешься, мы будем входить в порт новой столицы. Ты наденешь чистые доспехи. Ты будешь источать силу и здоровье. Ты назовешь их детей будущими гражданами Вечного города. И ты забудешь вкус этого отвара, вкус рвоты в рубке и взгляд того жреца. Забудешь ради мальчика Марка. Ради того, чтобы он правил миром, лежа на шелковых подушках, а не стоя по колено в чужой крови. Понял меня?

Александр хотел кивнуть, но тело уже не слушалось. Маковый дурман взял свое. Он соскальзывал в теплую, беззвучную темноту, где не было ни рек, ни огня, ни ответственности. Последнее, что он почувствовал, была ладонь Октавии, заботливо подложенная ему под щеку, чтобы голова императора не свесилась набок и не испортила царственную осанку даже во сне.

Он проспал ровно сто двенадцать минут. Внутренние часы, заведенные десятилетиями войны, сработали с точностью морского хронометра. Александр открыл глаза. Боль в ребрах притупилась, превратившись в тугой, ноющий комок. Во рту стоял мерзкий химический привкус полыни.

Каюта была залита светом масляных ламп. Октавия сидела за столом. Она сменила окровавленный пеплос на строгий лиловый столис сенаторского кроя. Волосы были заново уложены, рана на виске замаскирована тонким слоем свинцовых белил и пудры. Перед ней лежали стопки пергамента. Она писала быстрым, летящим почерком стилосом, периодически макая его в чернильницу.

— Сколько я пропустил? — прохрипел Александр, садясь. Шею ломило.

— Двадцать миль реки, — ответила она, не поднимая глаз. — И одну попытку мятежа среди вспомогательных галльских когорт. Кажется, кто-то нашел в трюме запасы местного наркотика сома-раса. Центурион-виночерпий повесился на собственной портупее. Очень эффективно, сэкономили на трибунале. Я подписала приказ о выдаче двойной порции вина оставшимся галлам. Пусть празднуют закладку фундамента. Сталкер распорядился добавить в вино вытяжку из коры дуба — она нейтрализует эйфорию, оставив только головную боль и жажду дисциплины.

Александр встал. Ноги плохо держали. Он прошел к умывальному тазу из полированной меди. Вода была холодной, почти ледяной. Он плеснул в лицо, смывая остатки сна и смерти.

— Где мы?

— Видишь зарево? — Октавия подошла к нему сзади, встав у другого плеча. Их отражения в меди выглядели парой призраков. Левый глаз женщины превратился в узкую щелочку. Правый уголок рта Александра был опущен вниз от спазма мышцы. — Это Бенарес. Город тысячи огней. Они жгут погребальные костры. Чувствуешь панику? Они думают, что возвращаются воды Потопа. Они ждут Варуну, чтобы смыть нас.

Александр поднял голову. Впереди, за открытым иллюминатором, действительно пульсировало оранжевое небо. Рев великой реки здесь становился глубже, мощнее. «Претор» сбро-

сил скорость, входя в сложный фарватер. Навстречу им двигались корабли флота снабжения — бесконечная змея пузатых транспортов, охраняемых юркими биремами речной гвардии.

Резко, без стука, откинулся полог внутренней двери. На пороге возник Сталкер. Он успел переодеться полностью. Белоснежный хитон инженера сиял чистотой, лишь на сапогах виднелись подсохшие разводы речного ила. Маска респиратора была закреплена на поясе, открывая то самое бледное, бескровное лицо с глазами столетнего старика.

— Сир, — доложил он. — Наблюдатели с марса докладывают: городские ворота Бенареса открыты. Коленопреклоненная делегация высших каст ждет на главной набережной. Они держат в руках гирлянды из белых лотосов. Жрецы предлагают вам омыть стопы молоком священной коровы. Температура молока — сорок градусов, оно идеально подходит для вашей травмы груди, расслабляет диафрагму.

Александр встретился взглядом с легатом. Нормальные человеческие глаза Сталкера смотрели изучающе, холодно. В них не было ни издевки, ни преданности. Лишь профессиональный интерес механика, проверяющего работу сложного агрегата.

— Омывать ноги в молоке, пока мои люди вылавливают из ила полусожженных индусов для крематория? — спросил Император. — Какова глубина фарватера у самых ворот?

— Достаточная для прохода нашей тяжелой артиллерии, сир. Сорок локтей. Мы можем развернуть башни главного калибра параллельно дворцу царя Пора. Одно нажатие рычагов, и мы сметем набережную вместе с их белыми одеждами и священными коровами. Лотосы красиво горят, я видел испытания греческого огня на тюльпанах в Парфии.

Октавия обошла стол. Она двигалась плавно, словно танцуя. В ее руке блеснул золотой кубок, наполненный темно-рубиновым вином. Она вложила его в левую, здоровую руку мужа.

— Принцепс, — ее голос был мягок, но резал слух, как алмазное стекло. — Народ требует зрелищ. Но народ также требует хлеба. Молоко священной коровы — это символ. Символ признания нашей божественной природы. Если ты выльешь это молоко в реку перед камерами хроникеров, ты станешь чудовищем в глазах Запада. Сенаторы в Риме начнут шептаться о твоей неуравновешенности. Нам нужна лояльность избирателей на грядущих выборах цензоров. Выпей. Улыбнись. Дай им облобызать твои сандалии. А вечером, за ужином, когда посол Пора предложит тебе ключи от города, ты прикажешь залить эти ключи в горло их верховному жрецу. Расплавленным золотом. Это будет отличный урок геометрии для местной аристократии.

Александр смотрел на жену, и ледяной ужас понимания, холодный и чистый, окончательно кристаллизовался в его сердце. Он понял главное отличие между собой и ею. Он выигрывал битвы, мучаясь, сомневаясь, пытаясь сохранить осколки человечности. Октавия проектировала мир. Для нее каждый сожженный ребенок, каждая сломанная судьба, каждое унижение врага были лишь переменными в уравнении долгосрочной стабильности. Она любила не его плоть. Она любила Идеальную Империю, для которой его тело было лишь самым эффективным инструментом управления.

— Хорошо, — сказал Александр. Он отпил вина. Оно было сладким, крепким, с нотками смолы. — Готовьте парадный трап. Я выйду к ним.

Он поставил кубок. Металл глухо звякнул о дерево стола.

— Но подготовь и орудия, — добавил Император, поворачиваясь к Сталкеру. Его лицо больше ничего не выражало. Абсолютно стерильная поверхность. — Если хоть одна белая гир-

лянда коснется моей обуви, я хочу, чтобы дворец Пора перестал существовать. До основания. Используй зажигательные ядра с магниезией. Я хочу видеть этот пожар из своей ванны. И пришли ко мне секретаря. Нужно подготовить текст капитуляции. Начни его словами: «Милостью богов, уставших от ваших молитв...»

Сталкер коротко кивнул. Он позволил себе едва заметную тень улыбки, не затронувшую глаз.

— Будет исполнено, сир. Ваша ванна уже наполняется. Добавлены соли Мертвого моря и экстракт алоэ. Отличное средство для регенерации тканей после компрессионных травм.

Легат развернулся к выходу. У самого трапа он остановился.

— Ах да, Цезарь. Насчет списков рабочей силы. Генетическая комиссия рекомендует исключить из программы депортации на строительство акведуков всех детей с признаками рахита или неправильным прикусом. Некачественный генофонд портит породу будущих граждан. Такие дети пойдут в общую топку вместе с родителями категории «Б». Это сэкономит место в трюмах транспортных флотов и улучшит средний IQ провинции. Я подготовлю списки для подписи госпожи Октавии.

Дверь за ним закрылась с мягким пневматическим шипением. Звук напомнил Александру вздох гигантского зверя, переваривающего добычу.

Император остался стоять посреди разгромленной каюты. Запах паленого мяса, просачивающийся сквозь вентиляцию борта, вдруг стал невыносимым. Он подошел к открытому иллюминатору, вдохнул влажный речной воздух. Впереди, разрывая дымку, показались золоченые шпили Бенареса.

Город пылал. Десятки тысяч погребальных костров сливались в одно сплошное море огня. Индусы сжигали сами себя, предпочитая очистительный огонь пламени Шивы гусеницам римских танков.

Александр глубоко вдохнул ядовитый воздух. Рвотный спазм больше не подступал к горлу. Внутри было пусто, холодно и легко. Стерильно.

Он допил вино до дна.

— Октавия, — позвал он. — Помоги мне надеть кирасу. Ребра болят, но торс должен выглядеть безупречно. Сегодня я буду играть роль Бога-Машины. Покажи им, как выглядит будущее.

Пока Октавия возилась с застежками его доспехов, ловко обходя бинты на груди, Александр смотрел на приближающийся берег. Он больше не чувствовал себя человеком, выигравшим войну. Он ощущал себя деталью ландшафта. Таким же неотъемлемым элементом нового порядка, как те гранитные блоки, что ждали своего часа в трюме.

Битва при Ганге закончилась. Начиналась эпоха цемента.

Глава 28. Романтическое приключение. Столкновение культур

Рассвет над Гангом в этот день пах не смертью.

В течение трех суток после падения Бенареса воздух великой реки представлял собой густую, осязаемую взвесь из жженой плоти, озона и мокрого пепла. Легионеры Четвертого инженерного называли это «духом Сталкера». Запах въедался в бронзу орлов штандартов, намертво оседал в порах кожи и даже выжигал вкус вина, превращая фалернское в жидкую могильную землю. Но сегодня утром муссонный ветер, зародившийся где-то над далеким Цейлоном, принес перемены. Он ударил в паруса императорской речной триремы с такой силой, что затрещали сосновые мачты, и одним резким порывом вымел всю гниль последних недель на юг.

Александр Октавиан стоял на открытой палубе флагманского судна «Пакс-Романа», опираясь голыми лопатками о прохладный тик фальшборта. На нем не было ни лорики сегментаты, ни тяжелого пурпурного палудамента. Только простая льняная туника цвета неотбеленного полотна, влажная от речного бриза, и кожаные калиги на босу ногу. Император снял доспехи впервые за полгода — с того самого дня, как ступил на замерзшие земли Гипербореи.

Его тело, привыкшее к весу уральской стали, казалось ему сейчас чужим, пугающе легким и хрупким. Под левым соском темнел синяк размером с блюдо — след от удара о бронзовый край переговорной трубы во время прорыва дамб. Ребра все еще были тупой, пульсирующей болью при каждом глубоком вдохе, но здесь, под этим неожиданно ласковым солнцем, боль казалась чем-то нереальным. Иллюзией оставленного позади мира.

Рядом с ним, положив узкую ладонь поверх его пальцев, сжимающих теплое дерево, стояла Октавия. Она тоже сбросила имперский панцирь власти. Вместо строгого алого пеплоса сенаторской жены на ней было платье из тончайшего индийского хлопка, окрашенного соком индиго в глубокий ночной цвет. Ткань была настолько легкой, что каждое движение воздуха заставляло ее облегать фигуру, подчеркивая линии тела, которые Александр знал наизусть, но которые умудрялся забывать в грохоте танковых башен. Ее волосы, обычно стянутые в жесткий золотой узел под венцом-диадемой, были распущены. Влажные пряди падали на плечи, пахнущие не миррой и ладаном курилен Сената, а дешевым местным кокосовым маслом, которым ее натерла служанка-индуска час назад.

— Они смотрят на нас, — тихо сказала Октавия, не поворачивая головы. Ее голос звучал низко и чуть хрипло от недосыпа.

Александр проследил за ее взглядом. На левом берегу, там, где мангровые заросли расступались, образуя естественную заводь, стояли люди. Не толпа беженцев, не остатки разбитой армии Пора, а жители ближайшей деревни. Около сотни мужчин, женщин и детей. Они сидели прямо в грязи мелководья, погрузившись по пояс, чтобы спастись от утренней жары. При виде белого силуэта на борту невиданного корабля они замирали, прекращали полоскать белье или чистить медные сосуды. Дети переставали визжать и гонять водяных черепах.

Для них эта трирема не была кораблем войны. После того как Рим стер с лица земли их деревянные форты гидравлическим молотом цунами, а затем предложил старостам выкуп за камни разрушенных святынь, Империя стала для индусов явлением природы. Землетрясением. Наводнением. Чем-то таким же неизбежным и лишенным злобы, как смена времен года. Они смотрели на Императора не со страхом, который парализует волю, а с животным, этнографическим любопытством белых ученых-энциклопедистов, столкнувшихся с редким видом хищника.

— Пусть смотрят, — ответил Александр. Он накрыл руку жены своей. Кожа Октавии была горячее, почти обжигающей по сравнению с холодом, идущим от его собственных костей. — Мы вне их юрисдикции. Сегодня мы — просто два очень уставших человека посреди самой грязной лужи Ойкумены.

Октавия фыркнула. Смех прозвучал непривычно мягко, без привычной политической остроты.

— Посередине лужи, которая стоит нам сорок миллионов сестерциев в месяц только на содержание насосных станций. Алекс, сними руку с моей талии. Если центурион-преторианец увидит, что ты щупаешь жену среди бела дня, он решит, что монархия рухнула, и совершит самоубийство от когнитивного диссонанса.

Император улыбнулся краем губ. Это была первая искренняя улыбка со времен Германии. Он послушно убрал руку, но лишь для того, чтобы переплести свои пальцы с пальцами Октавии.

— Центурионы могут идти к воронам. Приказываю всем свободным от вахты легионерам купаться. Обнаженными. Я хочу слышать плеск воды, а не чеканный шаг. Эта река смыла больше крови, чем выпили все парфянские войны моего деда. Заслужила немного тишины.

Он отдал приказ жестом дежурному офицеру. Тот, секунду поколебавшись между субординацией и абсурдностью ситуации, кивнул дублирующему сигнальщику. Над палубой разнесся звук бучины. Резкий, вибрирующий металлический вопль, который обычно предвещал атаку шагающих танков класса «Химера» или начало децимации, теперь означал разрешение на отдых.

Легионеры, до этого стоявшие вдоль бортов подобно черным статуям, начали оживать. Дисциплина дала трещину, обнажив человеческую усталость. Скифы-наемники, составляющие abordажную команду, первыми повалились на раскаленные доски палубы, стаскивая тяжелые чешуйчатые кольчуги. Греческие моряки-гребцы побросали свои кожаные ремни и с радостными, почти детскими криками полезли по веревочным лестницам вниз, плюхаясь в мутную желтоватую воду Ганга.

Римская военная машина на мгновение превратилась в шумный, бестолковый табор варваров.

Тишина вернулась, но уже другая — живая, наполненная смехом, звоном сталкивающихся амфор и шлепаньем босых ног по дереву. Индусы на берегу, увидев эту сцену массового помешательства железных людей, зашептались оживленнее. Один из мальчишек лет десяти, набравшись храбрости, сорвал с ветки зеленый плод манго и бросил его в сторону корабля. Плод упал в воду далеко от борта, подпрыгнул на волне и поплыл прочь.

— Дикари, — констатировала Октавия, безразлично глядя на плывущий фрукт. — Бросают еду в грязь. У себя в поместье в Кампании я бы велела высечь садовника за такое отношение к урожаю.

— Оставь его, — попросил Александр. — Пусть плывет. Это первый плод, который никто не сожжет в крематории Сталкера ради экономии угля. Назначаю этот манго памятником демократии.

Они замолчали. Солнце поднималось выше, пробиваясь сквозь редящую дымку. Его лучи косо били по воде, зажигая на поверхности Ганга россыпь золотых монет. Теплый ветер трепал парусину навесов. Где-то внизу, в трюме, мерно и глухо стучало сердце корабля — поршень главной помпы, откачивающий просочившуюся забортную воду. Ритмичный, гипнотический звук, похожий на сердцебиение спящего зверя.

Александр закрыл глаза, подставляя лицо теплу. Впервые за долгое время его разум перестал перемалывать логистические таблицы, дебиторские задолженности провинций и схемы эшелонированной обороны. Мозг, перегруженный терабайтами тактической информации, наконец получил сбой системы. Перед глазами поплыли пятна света, тени от пальмовых листьев на палубе сложились в причудливый геометрический узор. Он почувствовал, как плечо Октавии плотно прижимается к его боку, ища опоры. Она тоже устала нести вес золотого венца.

*«Мы могли бы умереть прямо сейчас», — лениво подумал Император. — *Просто перевалиться через этот гладкий борт. Вода примет нас. Никакого суда Сената, никаких отчетов для цензоров, никакого запаха горелого мяса из вентиляции. Просто ил и сомы. Тихо».*

Эта мысль принесла не ужас, а странное, почти эротическое облегчение. Избавление.

— Ты скрипишь зубами, — прошептала Октавия, не открывая глаз. — Перестань планировать похороны. У тебя ребра сломаны, а не хребет цивилизации.

— Откуда ты знаешь, о чем я думаю? — спросил он, не меняя позы.

— Потому что последние десять лет я смотрю на твое лицо чаще, чем на свое собственное отражение. Когда ты планируешь парад, твои челюсти расслаблены. Когда считаешь деньги — двигается кадык. А когда думаешь о смерти, твоя левая бровь дергается вот так. — Она кончиком пальца дотронулась до его переносицы. — Мелкая, раздражающая мышца. Выщипать ее тебе, что ли?

Александр перехватил ее руку и поцеловал костяшки пальцев. Сухие, горячие, с едва заметными мозолями от стилоса — единственного оружия, которым она владела в совершенстве.

— Не смей. Эти морщины обошлись мне в половину Парфии. Каждая оплачена кровью Корнелия Лонга.

Упоминание имени друга, которого Октавия отправила добывать серу в жерлах Карфагена, должно было отравить момент. Должно было вернуть лед в их отношения. Но вместо этого Октавия лишь тяжело вздохнула, выпустив облачко пара в теплый воздух.

— Корнелий совершил ошибку в арифметике, Алекс. Он пытался применить этику фермера к работе мясника. Жалость вызывает голод. Если солдат видит, что император плачет над трупом ребенка, солдат начинает сомневаться в правоте своего копья. А сомневающийся копейщик открывает спину. Я спасла жизни тридцати тысячам легионеров, пожертвовав честью одного галла. Это плохая сделка?

— Это эффективная сделка, — глухо ответил Александр. — И именно поэтому от нее хочется утопиться в этой прекрасной, священной луже.

Она открыла глаза. Взгляд Октавии был абсолютно трезвым и ясным, несмотря на бессонную ночь.

— Не смей топиться там, где нельзя построить акведук. Если уж собрался умирать, делай это в Тибре. Столичная канализация нуждается в органическом удобрении.

Исказитель реальности сработал снова. Грань между невыносимым трагизмом и государственным цинизмом смазалась. Александр запрокинул голову и рассмеялся. Громко, раскати-сто, пугая чаек, кружащих над мачтой. Октавия присоединилась к нему. Два голоса — низкий мужской баритон, привыкший отдавать команды армиям, и высокий женский альт, ломавший судьбы сенаторов, — звучали над Гангом совершенно неуместно и прекрасно.

Смех иссяк так же внезапно, как и начался, оставив после себя звенящую пустоту и легкое головокружение. Александр пошатнулся. Боль в грудной клетке напомнила о себе острой вспышкой. Мир качнулся. Он инстинктивно выставил руку, чтобы опереться о борт, но наткнулся на пустоту.

Октавия среагировала мгновенно. Она всем телом навалилась на мужа, используя свой вес, чтобы удержать равновесие обоих. Ее ногти впились в ткань его туники на спине.

— Стоять, — выдохнула она ему в ключицу. — Демонстрация слабости отменяется. Солдаты смотрят.

— Они плавают голыми в двухстах метрах, — прохрипел Александр, чувствуя, как перед глазами пляшут черные точки. — Им сейчас не до импозантности.

— Мне есть. Я стою рядом с мужчиной, который выглядит так, будто собирается исторгнуть завтрак. Подними подбородок. Дыши носом. Вот так. Медленно. Как будто спускаешь давление в котле.

Она говорила с ним тем же тоном, каким полчаса назад инструктировала старшего механика по поводу износа гребных валов. Этот тон заземлял лучше любых философских бесед. Александр сосредоточился на дыхании, подчиняя диафрагму воле. Черные точки медленно растворились в золотом мареве солнца. Он снова смог различить отдельные капли пота на виске Октавии.

— Спасибо, — сказал он, переводя дух.

— Не благодари. Если ты упадешь, мне придется управлять Империей одной рукой, а второй держать твою дурную голову, чтобы писцы смогли нарисовать убедительный посмертный бюст. Это неэффективное использование рабочего времени супруги.

Она попыталась отстраниться, вернуться к прежней дистанции, но Александр удержал ее. Крепко, настойчиво. Он прижался лбом к ее лбу, закрывая глаза. Чувствовал, как часто бьется жилка на ее шее — единственный признак того, что мраморная статуя Императрицы Рима имеет внутри живой пульс.

— Останься, — попросил он. — Еще пять минут. Просто постоим. Без Рима. Без Индии. Без бетона.

Октавия замерла. Ее руки, только что уверенно державшие его торс, вдруг ослабли и опустились. Она стояла неподвижно, позволяя ему опираться на себя, и смотрела куда-то сквозь его плечо, на розовеющее небо.

— Пять минут, — согласилась она почти беззвучно. — Но если твой личный врач Галл Приск узнает, что я позволила тебе стоять на ветру с компрессионной травмой груди, он прикажет высечь меня на глазах у гвардии. А я плохо переношу публичные унижения, предпочитаю назначать их сама.

Время растянулось, потеряв свою линейность. Пять минут обернулись половиной часа. Солнце поднялось на две ладони над горизонтом, сменив золото на слепящий белый свет. Жара становилась плотной, вязкой.

Первым нарушил молчание не человек.

Из-за поворота реки, скрытого стеной сахарного тростника, показалась лодка. Обычная рыбацкая пирога, выдолбленная из цельного ствола дерева. В ней сидел всего один человек — старик. Настолько древний, что его кожа напоминала пергамент, выброшенный на солнце и забытый на десятилетия. Он был абсолютно наг, если не считать набедренной повязки цвета охры и толстого слоя древесного пепла, покрывавшего его тело от макушки до пят. Пепел лежал складками на плечах, осыпался при каждом движении, делая старика похожим на движущуюся гору праха.

Старик не греб. Он позволил течению нести себя, лишь изредка корректируя курс коротким шестом. Его глаза, белые от катаракты, были устремлены не на корабль, а в никуда. Он напевал что-то монотонное, низким, утробным голосом, от которого вибрировал воздух.

Октавия напряглась. Ее позвоночник стал прямым, как лезвие гладиуса.

— Бродячий садху, — констатировала она. — Джайн или шайвит. Судя по количеству пепла — агхори. Пожиратель мертвечины. Прекрасно. Наш пикник привлек местного каннибала-теолога.

— Он один, — успокоил ее Александр. — И в руках у него только деревянная ложка. Опустит руки, ты сломаешь мне ребра окончательно.

Лодка старика поравнялась с высоким бортом триремы. Агхори остановился, вонзив шест в дно. Теперь его голова находилась ровно на уровне палубы. Он склонил ее набок, прислушиваясь. Белесые незрячие глаза закатились так, что видны были только кровавые белки.

— *Парабрахман сатчитананда*, — прокрипел старик на санскрите. Голос его звучал как трение камней. — Форма бесформенного. Я чувствую запах твоей кармы, Белый Охотник. Она тяжелее свинца. Ты несешь на своих плечах грехи города, который еще не успел родиться.

Переводчик из числа сирийских маркитантов, прятаясь в тени мачты, вздрогнул и начал торопливо переводить, хотя его никто не просил.

Александр смотрел на старика сверху вниз. Контраст был чудовищным: полированный гранит империи, воплощенный в мускулистом теле владыки полумира, и ссохшаяся мумия абсолютного отречения от материи.

— Моя карма строится из уральской броневой стали, святой отец, — ответил Император на том же чистом санскрите, которому его обучил пленный грамматист еще в начале похода. — И она защищает моих людей от вашей философии недеяния. Что привело тебя к моему кораблю? Просьба о милостыне?

Агхори усмехнулся, обнажив десны, в которых осталось лишь три желтых зуба.

— Милостыню просят те, кто хочет получить. Я пришел отдать. Мать-Индия истекает кровью из ран, нанесенных твоими железными змеями. Чтобы закрыть эти раны, нужен пластырь из человеческой плоти. Я отдаю свою кровь реке.

С этими словами старик зачерпнул из лодки деревянную чашу, сделанную из человеческого черепа, покрытого резьбой. Он поднес ее к своим губам и сделал вид, что пьет. Затем протянул чашу в сторону Александра.

— Выпей со мной сок Сомы, сын мой. Стань единым с Погибелью. Тогда твои танки перестанут быть машинами убийства и станут просто камнями на дне.

Октавия сделала шаг вперед, заслоняя Александра. Ее ноздри раздувались, губы побелели.

— Скажи этому ходячему анатомическому театру, что Император Рима не пьет из посуды, которую трогают мертвецы. И скажи, что если он еще раз назовет нашего главнокомандующего «сыном», я прикажу использовать его тазобедренные кости в качестве фурнитуры для ночных горшков в претории.

Александр остановил ее жестом. Он смотрел в белые глаза агхори. В них не было угрозы. Там вообще ничего не было. Абсолютная пустота человека, добровольно вырезавшего собственную душу задолго до встречи с римлянами.

— Передай госпоже Октавии мою благодарность за заботу о санитарии, — ровным голосом произнес Император. — Передай почтенному отцу, что Сок Сомы закончился вместе с эпохой Вед. Сейчас эпоха Калькулятора. Нам не нужно пить друг другу кровь, чтобы понять границы наших владений. Граница проходит по ватерлинии твоего корыта. Не пересекай ее.

Старик выслушал перевод (который благоразумно смягчили), пожевал сухими губами и вдруг громко, по-молодому расхохотался. Звук был похож на треск сухого бамбука в огне.

— Хороший ответ! — прокаркал он. — Железо говорит честно. Оно не умеет лгать, потому что не знает страха. Дерево боится огня, поэтому оно придумывает богов. Ты сделан из правильного материала, Белый Камень.

Он оттолкнулся шестом. Пирогу медленно развернуло течением.

— Помни! — крикнул агхори, уплывая прочь, постепенно сливаясь с бликами на воде. — То, что ты строишь из камня, сгниет! То, что ты завоевываешь огнем, обратится в пепел! Но то, что ты заберешь из сердец... останется навсегда!

Голос стих вдали, поглощенный шелестом тростника.

На палубе повисла тишина, нарушаемая только плеском воды и далекими криками купающихся легионеров. Сирийский переводчик мелко крестился, шепча молитвы своему Христу.

Октавия шумно выдохнула, проводя ладонью по лицу.

— Мерзкий старый гриб, — процедила она. — Испортил весь пейзаж. Нужно было дать сигнал баллисте. Использовали бы его пепел как абразив для шлифовки новых колонн Форума.

— Он ушел сам, — возразил Александр. — И он прав, отчасти. То, что мы забираем из сердец...

— Алекс, — жестко перебила она, поворачиваясь к нему. Ее глаза снова стали двумя кусками льда. — Не начинай. Мы обсуждали это вчера. Страх — лучший клей. Лучше любого известкового раствора. Пока они боятся нашей жестокости, они будут платить налоги вовремя.

Как только мы позволим им любить нас, они начнут требовать справедливости. А справедливость не окупает строительство флота. Закрываем тему.

Она взяла его под локоть, увлекая в сторону капитанского навеса, подальше от взглядов команды.

— Идем. Воздух становится ядовитым от испарений. Тебе вредно дышать миазмами Востока. Пойдем внутрь, я прикажу принести охлажденного гранатового сока. Настоящего, из Сирии, а не местную разбавленную мочу.

Александр позволил вести себя. Внутри кают-компаний, обитой темно-зеленым сукном, действительно царила благословенная прохлада. Сквозь решетки вентиляционных шахт, обложенных льдом, тянуло свежестью гималайских ледников. Раб-нубиец с поклоном принял у них сандалии и подал серебряные кубки.

Октавия залпом осушила свой кубок. Фиолетовая жидкость оставила темные дорожки в уголках ее губ. Она села в глубокое кресло, закинув ногу на ногу, и посмотрела на мужа долгим, изучающим взглядом, словно оценивала качество нового гладиатора.

— Ты изменился, — сказала она тихо. — Там, на берегу Ганга, когда волна сносила форты, ты был богом. Механическим, страшным, идеальным божеством Войны. А сейчас... сейчас ты слишком много рефлексируешь. Этот туман в глазах опасен. Он делает тебя предсказуемым.

— Люди меняются, — Александр сел напротив. Он крутил в пальцах тяжелый серебряный кубок, слушая, как холодный металл обжигает кожу.

— Римляне — нет, — отрезала Октавия. — Особенно те, кто держит в руках штурвал мира. Изменчивость — удел рабов и поэтов. Наша стабильность — главный экспортный товар. Если Цезарь начнет плакать над каждым пеплом, акции Империи рухнут быстрее, чем деревянный мост под тяжестью танка. Соберись. Через час мы высаживаемся в бенгальском имении Марка Красса-Феликса. Он купил эти земли у местных раджей еще до начала войны. Старый спекулянт уже приготовил для нас дворец. Горячие источники, павлины, евнухи с опахалами. Полный набор восточного декаданса. Нам предстоит играть роль Триумфаторов-Влюбленных. Для гравюр хронистов. Для Сената. Для истории.

Она встала и подошла к нему сзади. Положила руки на его плечи. Массировала жестко, профессионально, находя узлы сведенных мышц.

— Поэтому слушай меня внимательно, муж мой. Никаких проповедей о скорби. Никаких стихов. Ты будешь есть виноград с моих рук. Будешь смотреть на меня так, как смотрел тогда, в палатке под Утикой, когда думал, что я сплю. Ты будешь хотеть меня так сильно, чтобы это заметили даже лошади охраны.

Ее ногти коротко царапнули его ключицы.

— Потому что вечером, Алекс, когда мы останемся одни в золоченой клетке его дворца, я расскажу тебе, сколько тонн меди мы сэкономили на демонтаже храмовых колоколов Бенареса. И ты будешь слушать это с той же эрекцией, с какой будешь брать меня на мозаичном полу. Потому что наша любовь — это последний бастион здравого смысла в этом сошедшем с ума мире. Понял? Мы трахаемся не ради удовольствия. Мы трахаемся ради поддержания государственного строя.

Александр поймал ее руку и прижал к губам, целуя запястье, выступающие синие вены, тонкий золотой браслет-змею.

— Понял, моя госпожа, — прошептал он в ее ладонь. — Государственный строй требует жертв.

Дворец Марка Красса-Феликса оказался кричащим памятником первичному накоплению капитала эпохи Поздней Республики. Марк, седой как лунь восьмидесятилетний патриций с лицом печеного яблока, встретил их на ступенях беломраморной виллы, одетый в прозрачный шелк, пропитанный розовым маслом. Он попытался облобызать руку Александру, но Император ограничился сухим кивком. Октавия же одарила старого развратника такой улыбкой, что тот немедленно подписал дарственную на половину прилегающих чайных плантаций в пользу императорской казны.

Их поселили в верхних покоях, выходящих окнами на искусственный водопад. Комната дышала роскошью, граничащей с дурновкусием: полы из оникса, потолок, инкрустированный перламутром в виде совокупающихся лебедей, колонны из чистого лазурита.

Как только дверь закрылась за последним рабом, Октавия сбросила сандалии и с наслаждением наступила босыми ногами на холодный камень.

— Боги, настоящая плитка. Я думала, сойду с ума от этих плетеных циновок в армейских шатрах. Алекс, помоги мне снять этот чертов хлопок. Он цепляется за каждый порез.

Раздевание заняло меньше минуты. Дорогие ткани полетели на пол. Они остались обнаженные в центре зала, освещенные косыми лучами заходящего солнца.

Александр смотрел на нее, и впервые за долгие годы видел не стратега, не политика, не идеальную машину управления. Он видел женщину. Уставшую, нервную, с сеточкой ранних морщин в уголках глаз и тонким белым шрамом над левой грудью — память о парфянской стреле. Ее тело не было безупречным мрамором греческих статуй. Оно было живым, горячим, несовершенным и отчаянно желанным.

Он шагнул к ней. Обнял, притягивая к себе, зарываясь лицом в ее волосы. Вдохнул глубоко, впитывая запах ее кожи, мыла и чего-то неуловимо дикого, животного.

— Я скучал по тебе, — признался он. Голос предательски дрогнул. — По настоящей тебе. Не по тому портрету, который ты рисуешь для Сената.

Октавия обвила его шею руками. Прижалась всем телом, вкладывая в объятие всю ту ярость и напряжение, которые ей приходилось ежедневно утрамбовывать в форму государственных декретов.

— Тише, — прошептала она. — Тише, мой хороший. Дай мне минуту собрать тебя по частям.

Это не было похоже на брачные ночи консулов, описанные в учебниках изящной словесности. Не было нежных прелюдий и лепестков роз на простынях. Это было жадно, почти болезненно и невероятно нежно одновременно. Это был акт восстановления связи двух разорванных половин единого целого. Их движения были синхронизированы годами совместной власти; они знали каждую реакцию, каждый вздох, каждый спазм друг друга лучше, чем собственные военные карты.

Когда всё закончилось, они долго лежали на прохладном ониксе, переплетая ноги. Октавия водила пальцем по старым рубцам на его животе, читая историю его войн как открытую книгу.

— У тебя новый шрам, — сказала она. — Здесь. Поперек печени. Галл говорил, осколок брони?

— Рикошет от собственной «Химеры», — буркнул Александр, не открывая глаз. — Водитель резко дал задний ход в Гуджарате. Не пристегнулся.

— Варвар, — фыркнула она. — Главнокомандующий величайшей армии в истории человечества ездит без ремня безопасности.

Она приподнялась на локте, заглядывая ему в лицо. Солнечный свет золотил ее растрепанные волосы.

— Знаешь, о чем я подумала, пока ты душил меня своими ручищами? — лукаво спросила она.

— О консолидированном бюджете Остии?

— Почти. Я подумала, что если бы наши скульпторы увидели нас сейчас, они бы разочаровались. Ни героических поз, ни копий с Поликлета. Просто двое старых убийц, пытающихся согреться.

— Мы не старые, — возразил он, открывая глаза. Его взгляд был темным и тяжелым.

— Хорошо, опытный управленческий состав, — уступила она. — Но суть та же. Мы поломанные, Алекс. Весь наш блеск, вся эта сталь, золото и бетон — это просто корсет. Очень дорогой, идеально подогнанный ортопедический корсет, который держит наши внутренности на месте, чтобы мы могли дальше подписывать смертные приговоры.

Александр поймал ее руку и перевернулся, подмяв ее под себя. Заглянул в глаза сверху вниз. В полумраке комнаты ее зрачки расширились, поглотив почти всю радужку.

— Тогда давай снимем корсет, — хрипло сказал он. — Хотя бы на одну ночь.

Второй раз был другим. Медленным. Исследующим. Александр изучал ее тело заново, словно картограф наносил на карту новые земли, открытые после землетрясения. Он касался губами ямочки у основания шеи, проводил языком по тонкой ключице, спускался ниже, туда, где бешено бился пульс. Октавия отвечала ему с той же методичной страстью исследователя, оставляя красные следы на его плечах и спине, фиксируя границы его терпения короткими ногтями.

Здесь, в спальне торговца чаем, среди запаха сандала и жасмина, не было места Первому Очистителю Сталкеру. Не было доктрины Стерильности. Были только два дыхания, сплетающиеся в одно, и ритм, отсчитывающий секунды украденного у вечности счастья.

Позже, когда тени в комнате стали совсем длинными, они переместились на широкий балкон. Рабы принесли вино в хрустальных графинах, свежие фрукты и жареного фазана. Но еда оставалась нетронутой. Они сидели в одних набедренных повязках из простыней, свесив ноги с мраморного парапета, и смотрели на огни Бенареса.

Город пылал. Десятки тысяч погребальных костров на погребальных гхатах сливались в сплошное багровое зарево на горизонте. Индусы сжигали сами себя, предпочитая очистительное пламя Шивы гусеницам римских танков. Ночной ветер доносил оттуда сладковатый, тошнотворный запах горелого жира.

Октавия отпила глоток ледяного вина. Поставила кубок на каменные плиты.

— Видишь? — она указала подбородком на зарево. — Идеальная картина. Местный ритуал очищения отлично маскирует выбросы дыма от передвижных крематориев Первого Очистителя. Никто не жалуется на экологию, когда вокруг апокалипсис.

Александр промолчал. Он смотрел на свои руки. На костяшках пальцев темнели подсохшие ссадины.

— Та телятина... — внезапно сказал он. — Которую предлагал рыбак сегодня утром.

— Индийская кухня, — кивнула Октавия. — Специфическая. Я распорядилась поведать повара, который закупал провизию. Нельзя рисковать желудком Императора ради местной экзотики.

— Дело не в поваре, — Александр повернул голову. Свет факелов снизу бросал глубокие тени на его лицо, делая его старше на десять лет. — Октавия, почему ты хотела ее съесть?

Она удивленно моргнула. Вопрос застал ее врасплох.

— Хотела попробовать новое. Разнообразить рацион. Мясо выглядело прожаренным.

— Ты знала, — тихо, утвердительно сказал он. — Ты видела алтари. Ты слышала, как они называют коров матерями. Ты знала, что для них это хуже, чем если бы мы изнасиловали Весталку в храме Юпитера. И ты все равно собиралась взять этот кусок.

Октавия долго смотрела на него. Затем ее губы тронула легкая, отстраненная улыбка.

— Да, — просто ответила она. — Собиралась.

— Зачем?

— Проверка, — она пожала плечами, поправляя съехавшую с плеча простыню. — Социально-биологический эксперимент. Насколько гибок порог омерзения у высшей касты Рима. Я прочитала отчеты Сталкера. Наши солдаты едят местных ящериц сырыми, если заканчивается паек. Легат Пропретор в Малве женился на дочери вождя и носит местный тряпичный тюрбан. Провинция ассимилирует победителей быстрее, чем мы успеваем менять гарнизоны. Если жена Цезаря публично ест священную говядину, это либо конец Империи из-за бунтов, либо окончательная победа, потому что показывает дикарям абсолютную ничтожность их табу перед лицом нашей воли.

— И какой вариант тебе нравился больше? — голос Александра стал совсем тихим.

Октавия допила вино до дна. Ее глаза блестели опасным, лихорадочным блеском.

— Третий. Создание новой религии. Представь проповедь: «Богиня-Корова сошла на землю, чтобы воплотиться в белой жене Белого Бога и принять смерть от ее зубов, дабы искупить грехи Кали-Юги». Отличный фундамент для государственной церкви провинции Ганг. Централизация культа всегда упрощает сбор налогов. Я бы ввела обязательную десятину на покупку зубочисток.

Александр смотрел на нее, и холодный ужас, чистый и кристаллизованный, заполнял ту пустоту, что образовалась в его груди после близости. Он любил эту женщину больше жизни. Он хотел ее до боли, до дрожи в коленях. Но сейчас, глядя на ее профиль, четко очерченный светом пожаров чужой столицы, он понял главное отличие между ними.

Он выигрывал битвы, мучаясь, пытаясь сохранить осколки человечности, прячась от собственного отражения. Октавия проектировала мир. Для нее каждый сожженный ребенок, каждая сломанная судьба, каждое поедание священной коровы были лишь переменными в уравнении долгосрочной стабильности. Она любила не его плоть. Она любила Идеальную Империю,

для которой его тело было лишь самым эффективным инструментом управления, а совесть — досадным рудиментом, подлежащим удалению.

— Иногда я боюсь засыпать рядом с тобой, — честно сказал он.

— Засыпай, — она придвинулась ближе, кладя голову ему на плечо. Теплая, мягкая, уютная. — Кто-то же должен охранять твой сон. Монстры приходят ночью, а завтра у нас аудиенция с верховными жрецами Калки. Они будут предлагать тебе омыть стопы молоком священной буйволицы. Температура молока — сорок градусов. Расслабляет диафрагму. Великолепно помогает при межреберной невралгии. Я уже одобрила бюджет на закупку пяти сотен голов скота.

Она поцеловала его в плечо, прихватив кожу зубами.

— Открой рот, Алекс. Я покормлю тебя виноградом. И перестань думать. От мыслей портится пищеварение и снижается либидо. А нам еще изображать безумную страсть для делегации махараджей. История любит красивые жесты, совершенные людьми с хорошим цветом лица.

Александр закрыл глаза. Он взял ягоду винограда с ее ладони. Сладкий сок потек по языку. Впереди, разрывая дымку, сияли огни Бенареса. Город тысячи огней, город бесконечного горения.

Где-то там, в темноте джунглей, наверняка сидел другой агхори, посыпая себя пеплом. Где-то в подземных казематах Сталкер лично сортировал списки детей с неправильным прикусом, предназначенных для общей топки. Где-то инженеры размечали трассу железной дороги прямо по захоронениям древних царей.

А здесь, на балконе дома разбогатевшего торгаша, Императрица Рима кормила Императора виноградом, и ее пальцы пахли его потом и жизнью.

Это и было настоящим столкновением культур. Не битва слонов и танков. Не спор о догматах. А этот невозможный, противоестественный союз абсолютной любви и абсолютного расчета, рождающий на свет чудовище, которое они называли Вечным Городом.

Ночь пахла гарью, цветами и обманом. И Александр пил этот яд огромными глотками, понимая, что уже никогда не сможет остановиться.

Глава 29. Опасное расследование

Рассвет над Паталипутрой не принес облегчения. Он пришел вместе с липким, густым туманом, который пах не лотосами и священным дымом благовоний, как обещали жрецы в своих глиняных табличках, а мокрым пеплом, озоном от статического электричества генераторов «Претора-ХII» и сладковатым смрадом разложения — запахом дельты великой реки, переваривающей саму себя после вчерашнего цунами.

Александр Октавиан лежал на узкой койке императорского лазарета. Боевая броня была срезана медиками, и теперь его торс оплетала сетка из прозрачных силиконовых трубок. По ним медленно пульсировала бледно-голубая жидкость — экспериментальный гемостатический гель, удерживающий осколки ребер внутри грудной клетки. Каждый вдох отзывался тупой,

раскаленной болью, которая начиналась под левым соском и расплзалась ледяными иглами до самого затылка.

Октавия сидела в кресле из полированного карбона у его изголовья. Она сменила окровавленный пеплос на строгий лабораторный комбинезон имперского синего цвета. На ее левом виске темнел роскошный синяк, но лицо оставалось абсолютно спокойным. В руках она держала световую указку,водя ею по голографической проекции, висевшей между ними в воздухе.

— Шестое ребро раздроблено полностью, седьмое дало продольную трещину, — ровным голосом диктовала она медицинскому сервитору, парящему в углу палаты. — Плевра не задета. Внутреннее кровотечение купировано. Уровень кортизола пациента падает. Галл Приск, почему вы используете синий фильтр для визуализации нервной ткани? Перейдите на инфракрасный спектр, мне нужно видеть деградацию синапсов.

Главный врач Империи, похожий на встревоженного хорька человек с тонкими пальцами пианиста, склонился над другим проектором.

— Ваше Величество, нервная система стабильна. Но токсин... Мы прогнали кровь Цезаря через все семь фильтров масс-спектрометра. Римская наука видит там только воду, соли и следы вчерашнего фалернского. Токсикологический профиль чист. Пациент здоров настолько, насколько может быть здоров человек со сломанными костями.

— Я чувствую, как горит моя кровь, — хрипло произнес Александр, открывая глаза. Его зрачки были расширены, белки налились красным. — Словно кто-то залил внутрь расплавленную медь. Оно движется, Октавия. Поднимается от желудка к сердцу.

Октавия переключила режим указки. Голограмма тела Императора исчезла, сменившись увеличенным изображением нефритовой иглы.

— Потому что это не отрава в твоём понимании, Алекс. Это теология.

Дверь лазарета скользнула в сторону без единого звука. Кассандра вошла так же бесшумно, как всегда, хотя на этот раз ее тяжелые армейские ботинки оставляли на стерильном полу грязные разводы. Глава Imperialis Investigatio выглядела чужеродным элементом в этом царстве белого пластика и холодного света. Ее черный кожаный плащ был порван на плече, скулу пересекала свежая ссадина, а от нее самой пахло речной тиной, жженым пластиком и человеческим страхом.

В руке она сжимала герметичный контейнер из бронестекла. Внутри, припиленная к пробковой подложке микроштифтами, покоилась вторая нефритовая игла. Рядом с ней в вакуумной ячейке застыл крошечный черный шарик размером с маковое зерно.

— У тебя есть сорок минут до того, как Сталкер начнет фазу тотальной дезинфекции сектора D, — сказала Кассандра вместо приветствия. — Если мы не спустимся туда сейчас, твой единственный шанс умрет в плазме крематория вместе с пятьюдесятью тысячами индусов.

Октавия даже не повернула головы.

— Докладывай, стоя на месте. Вы испортили паркет стоимостью в годовой доход провинции Бетика.

Кассандра сделала шаг вперед. Сервитор-уборщик тут же выкатился из ниши, направляя струю пара на ее следы, но глава разведки остановила его жестом.

— Игла была в обивке императорского паланкина. Не в подушке, не в спинке. В нижнем валике, о который трется поясница. Расчет траектории при посадке показывает угол атаки тридцать градусов сверху-сзади. Нанесено во время утренней процессии перед штурмом дамб, когда легионеры сдерживали толпу просителей. Исполнитель находился на крыше префектуры анноны. Рост около ста семидесяти сантиметров, вес — шестьдесят килограммов. Женщина или подросток. Левша.

— Почему я еще не вижу их голову на пике у ворот порта? — спросила Октавия, наконец переводя взгляд на подругу.

— Потому что голова сгорела вместе с крышей префектуры, когда ваши саперы обрушили здание, чтобы создать плацдарм, — отрезала Кассандра. — А исполнитель нам больше не нужен. Посмотри сюда.

Она протянула контейнер Октавии. Императрица взяла его двумя пальцами, брезгливо отставив мизинец, и поднесла к сканеру. Черный шарик внутри капсулы дрогнул.

— Кала Кхело, — выдохнул Галл Приск, впервые подав голос. — Черная Шутка. О ней читают в закрытых трактатах Александрийского мусейона. Теоретически невозможный состав.

— Практика доказывает обратное, — Кассандра подошла к койке Александра. От нее пахло такой бездной, что Император инстинктивно попытался отстраниться, но тело его не послушалось. — Они называют это даром Кали. Смесь слюны гималайской черной саламандры, которую доят один раз в жизни, праха сожженных предков трех поколений и ртути, перегнанной в пламени погребального костра. Яд проникает в митохондрии клеток. Он не разрушает органы. Он переписывает сигналы мозга. Заставляет организм поверить, что умирание — это высшее наслаждение. Ты просто уснешь, Алекс. Твое сердце замедлится, дыхание станет глубоким, и ты улыбнешься. Через три дня римская медицина зафиксирует смерть от остановки сердца на фоне полного истощения. Никакого вскрытия, никакого яда в тканях. Идеальное убийство императора.

Александр закрыл глаза. Боль действительно становилась приятной. Огненные реки в венах остывали, превращаясь в теплое золото. Ему хотелось спать. Впервые за десять лет бесконечной войны он чувствовал абсолютный покой.

— Сколько?

— Семьдесят два часа назад яд вошел в кровоток, — ответила Кассандра. — Сейчас он прошел гематоэнцефалический барьер. Октавия, если ты продолжишь обсуждать логистику поставок финикийского стекла, через двенадцать часов тебе придется заказывать мрамор для мавзолея.

Императрица резко поднялась. Ее движение было стремительным, почти змеиным. Лабораторный комбез затрещал по швам, натянувшись на напрягшихся плечах.

— Варианты антидота? — спросила она, и в ее голосе впервые прорезался металл, лишенный всякого человеческого тепла.

— Их нет, — тихо сказал Галл Приск. — Римская фармацевтика работает с химией. Этот яд — биофизика и метафизика одновременно. Нам нечего ему противопоставить.

— Кроме оригинала формулы, — Кассандра ударила кулаком по переборке. Звук получился глухим, тяжелым. — Старая ведьма Майя. Верховная жрица храма Махакалы в трущобах.

бах. Только они знают, как извлечь ртуть из крови, не убив пациента. Ритуал требует живой печени жертвы определенного астрологического типа. И времени.

— Время вышло час назад, — вмешался новый голос. Холодный, лишенный интонаций баритон вокодера.

Сталкер стоял в дверях лазарета. Система пневматических поршней его экзоскелета работала в режиме абсолютного шумоподавления — никто не слышал, как он подошел. От него пахло озоном, горячим металлом и антисептиком. Лицо скрывала маска респиратора модели «Аэд», украшенная тонким золотым лавровым венком поверх фильтров. Индикаторы на скулах горели тревожным синим светом — системы охлаждения работали на пределе, перерабатывая жар двигателей шагающих танков, уже выходящих на позиции вокруг сектора D.

— Директива «Абсолютная санация», подписанная вами сегодня на рассвете, вступила в силу, Цезарь, — доложил легат. — Мобильные комплексы «Инферно» начали прогрев топок. Первая волна санитарных дронов-бульдозеров пересечет границу сектора через восемнадцать минут. Биомасса будет переработана в печной газ для нужд флота. Включая вашу ведьму.

Октавия обернулась к мужу. Она смотрела не на мужа-Императора, повелителя полумира, а на мужчину, который умирал на ее глазах. В ее взгляде не было паники. Там был холодный расчет архитектора, чей главный чертеж рискует рассыпаться из-за бракованного кирпича.

— Эвакуировать Майю невозможно, — констатировала она. — Любой транспорт будет уничтожен патрулями Трибунала согласно протоколу недопущения утечки инфекции. Идти официальным коридором — самоубийство. Сентиментальность вызывает заторы, Алекс. Помнишь?

Александр открыл глаза. Золотая пелена покоя начала редеть, разъедаемая вспышками боли — воля боролась с биохимией.

— Отправь Сталкера, — прохрипел он. — Пусть возьмет батальон преторианцев.

Легат сделал шаг вперед. Сервоприводы шеи издали едва слышный щелчок.

— Невозможно, сир. Мой корпус имеет суммарную массу пять тонн на боевую единицу. Трущобы Паталипутры построены из гнилого дерева, сушеного навоза и человеческой плоти. Моя пехота увязнет на первой миле. Узкие улочки заблокируют гусеницы. Мы превратим сектор в фарш быстрее, чем найдем одну старуху среди пятидесяти тысяч крыс. Нужен призрак. Нож. Кто-то, кто умеет дышать дерьмом и оставаться незамеченным.

Все взгляды обратились к Кассандре. Она стояла неподвижно, словно высеченная из базальта. Только жилка на ее шее билась слишком часто.

— Сектор D — это не трущобы, — медленно произнесла она. — Это открытая язва. Эпикентр эпидемии холеры, натуральной оспы и религиозного фанатизма. Местные верят, что болезнь — это кара богов за наши танки. Любого человека в чистой одежде разрывают голыми руками. Любого, кто пахнет мылом, варят заживо в котлах. Я пройду в костюме высшей защиты класса «Хазмат-Молох». Но костюм выдаст меня. Мне нужно идти кожей наружу.

— Ты заразишься и умрешь, — ровно сказала Октавия.

— Я заражусь и буду вонять, — поправила Кассандра. — Как все они. Это даст мне двадцать минут форы. Дольше я не продержусь. Старуха потребует плату. Формула антидота

записана у нее на коже татуировкой. Чтобы считать рисунок, мне придется пройти ритуал очищения. Выпить воды из Ганга. Той самой, куда стекает гной из госпиталя Сталкера.

Галл Приск издал странный звук, похожий на всхлип.

— Ваше Величество, вода содержит штаммы бактерий, которые не классифицированы нашей биологией. Выпив ее, глава разведки получит множественный отказ органов в течение суток. Даже если она найдет формулу, она не успеет вернуться. Нейротоксин убьет вас обоих разными способами.

Наступила тишина. Было слышно только мерное попискивание кардиомонитора Александра и далекий, вибрирующий гул дизелей крематориев, начавших свое движение к окраинам города.

Октавия подошла к Кассандре вплотную. Она была выше подруги на полголовы. Императрица сняла с пояса тонкий золотой стилос — инструмент власти, которым она подписывала эдикты о смертных казнях.

— Дай руку, — приказала она.

Кассандра молча протянула ладонь. Октавия схватила ее запястье железной хваткой и приложила стилос к внутренней стороне предплечья. Серебряное острие вспыхнуло холодным огнем, впиваясь в кожу. Кассандра не поморщилась. На ее руке начал проступать сложный геометрический узор — личная печать Августы, видимая только под ультрафиолетом систем безопасности дворца.

— Эта метка дает тебе право реквизировать любой ресурс Империи ниже ватерлинии, — прошептала Октавия ей на ухо, пока клеймо остывало. — Если местные попытаются тебя сварить, напони им, что ты — это я. Если легионеры Сталкера попытаются дезинфицировать тебя огнеметом, скажи им, что твоя жизнь стоит дороже их всех вместе взятых.

Она отпустила руку Кассандры и отступила на шаг.

— Но если ты вернешься одна, без формулы... — Октавия позволила себе паузу, глядя прямо в темные глаза главы разведки. — Я прикажу поместить тебя в автоклав лаборатории живьем. Буду кипятить тебя трое суток. Очень медленно. Пока мозг не сварится вкрутую, но кожа останется целой для анатомического музея. Это сэкономит бюджет на закупке макетов для медицинских школ. Ты меня поняла?

— Поняла, госпожа, — голос Кассандры оставался ровным, но пальцы левой руки непроизвольно сжались в кулак, царапая ногтями ладонь.

— Галл, — Октавия отвернулась от подруги, возвращаясь к своей роли хозяйки положения. — Подготовьте инъекционную капсулу прямого введения. Если Кассандра принесет образец кожи, мы введем матрицу антитода моему мужу прямо в ствол головного мозга через зрительный нерв. Риск паралича девяносто процентов. Но смерть гарантирована на сто. Начинайте сверлить череп.

— Что? — дернулся на койке Александр.

— Ложись смирно, муж мой, — нежно улыбнулась Октавия, беря в руки автоматическую хирургическую дрель. — Мы просто готовим гнездо для подарка. Кассандра, часы пошли. Возьми проводника. Мальчишку. самого грязного. Из тех, кто ворует хлеб у мертвых. Такие выживают лучше всего.

Спуск начался через десантный шлюз кормового ангара. Броненосец «Претор-ХП» завис над рекой в двух километрах от границы сектора D. Здесь кончалась сталь Империи и начиналась гниль Востока.

Нижняя Паталипутра представляла собой зрелище постиндустриального ада. После удара цунами, вызванного взрывом дамб, уровень воды упал, обнажив дно. Но ил оказался перенасыщен органикой. Деревянные фундаменты домов сгнили, превратив целые кварталы в зыбучие болота из человеческих экскрементов, разложившихся тел скота и черного ила. Дома здесь строились друг на друге, наслаиваясь веками: лачуги из пальмовых листьев стояли на крышах старых храмов, которые, в свою очередь, опирались на остовы португальских торговых судов XVII века.

Воздух имел физическую плотность. Войдя в него, казалось, что плывешь в теплом, жирном супе. Запах бил наотмашь: аммиак, трупный яд, сладкий аромат гниющих манго, курящиеся чадры дурмана и резкая химическая вонь открытых стоков литейных мастерских, где переплавляли украденный с римских свалок металлолом.

Кассандра оставила свой высокотехнологичный «Хазмат-Молох» на корабле. На ней была простая набедренная повязка цвета болотной грязи, сделанная из грубой джутовой мешковины. Больше ничего. Она намеренно отказалась от обуви. Босые ноги сразу погрузились в теплую слизь, вызывая рвотный позыв, который она подавила усилием воли.

Ее проводник ждал у разбитой причальной стенки. Мальчишка лет десяти, совершенно нагой, если не считать ожерелья из высушенных крысиных хвостов. Его кожа была покрыта коростой из смеси пепла и мазута. Белки глаз сверкали нездоровым блеском на черном лице. В руках он держал кривую бамбуковую палку.

— Двадцать серебряных денариев авансом, — прохрипел он на ломаной латыни, сплевывая желтую слюну в воду. — Сто золотом, если выведу обратно. Зона закрыта. Санитары пускают газ.

Кассандра швырнула ему тяжелый кошелек. Мальчик поймал его ногой, подбросил и ловко спрятал в расщелину между камнями.

— Меня зовут Тарака, — представился он. — Крыса Четвертого ранга гильдии могильщиков. Куда идем, Белая Госпожа? В Дом Обрезаемых Волос? Или к Башне Плачущих Матерей?

— Храм Махакалы, — Кассандра подтянула лямки пустого брезентового ранца на плечах. Ей нужно было выглядеть беженкой, спасающей остатки своего скарба. — Знаешь дорогу, которая не уходит под ил?

Тарака оскалил зубы. Половины зубов у него не было, остальные покрывал зеленый налет.

— Дорог много. Все ведут в желудок Матери-Реки. Идем. Держись за моей спиной и не дыши ртом, когда будем проходить мимо Котлов. Сегодня вторник, они варят детей грешников.

Они двинулись в лабиринт. Улицы сектора D не предназначались для людей. Это были трещины в теле горы из мусора. Приходилось идти боком, прижимаясь к влажным стенам, с которых свисали клочья прелой ткани и пучки каких-то фосфоресцирующих грибов. Над

головой переплетались трубы — древние акведуки Моголов, советские нефтепроводы двадцатого века и новенькие пластиковые магистрали Рима, идущие поверху, питая богатые Верхние сады чистой водой, пока внизу люди пили жидкую грязь.

Первые признаки обитаемости появились быстро. На выступающих из ила балках сидели старики, похожие на иссушенных мумий. Они методично били молотками по кускам ржавого металла, извлекая чистую медь. Никто не поднял головы при виде Кассандры. Для них женщина в грязи была таким же элементом ландшафта, как плесень или дождь.

Но дети заметили ее мгновенно. Десятки оборванных мальчишек и девчонок высыпали из пролома в стене старой фабрики. Они передвигались по руинам четвереньках, цепляясь за выступы всеми конечностями, напоминая паукообразных обезьян.

— Свежая! — заверещал один, бросаясь к Кассандре. — Чистая кожа! Хорошая кожа!

Тарака развернулся молниеносно. Он перехватил свое копье и ударил древком по лицу ближайшего ребенка. Раздался хруст кости. Мальчишка беззвучно рухнул в жижу.

— Прочь, личинки! — рявкнул Тарака. — Это добыча Гильдии! За мной придут Братья-Потрошители, и ваши кишки повиснут на проводах!

Дети отпрянули, шипя, как рассерженные кошки, но нападать не решились. Проводник сплюнул кровью на грудь мертвому ребенку и пошел дальше, не оглядываясь.

— Мясо нынче дешевое, — пояснил он Кассандре. — После волны народ стал плодиться быстрее. Жрать нечего. Родители сами приводят лишних к Котлам. Берут пайком. Тебе повезло, что ты со мной. Без медальона Гильдии тебя бы разделали на первом перекрестке. Секта Агхори считает, что мясо белой женщины лечит проказу.

Кассандра шла, стараясь не смотреть под ноги. Вода здесь жила собственной жизнью. Она пузырилась сероводородом, в ней плавали раздувшиеся туши крыс, иногда проплывали человеческие конечности — последствия работы мобильных крематориев Сталкера на севере, сбросивших излишки недогоревшего шлака в южные каналы.

— Где твои братья? — спросила она, чтобы отвлечься от тошноты.

— Ждут на границе Купален, — Тарака указал палкой вверх. — Там начинается зона Храма. Легионеры боятся спускаться туда. Говорят, оттуда несет не смертью, а Вечностью. Дурная примета.

Они вышли на относительно открытое пространство. Когда-то здесь была площадь Великого Базара. Теперь это было озеро из спекшегося пластика и битого стекла, блестящее на солнце, как нефтяное пятно. В центре озера возвышалась гора высотой в пятиэтажный дом. Гора состояла исключительно из выброшенных электронных плат, кабелей, мониторов и островов роботов-помощников.

— Мусорный Эверест, — кивнул на него Тарака. — Растет на два локтя в год. Полезная вещь. Если знать, какой провод перерезать, можно устроить пожар, который спалит целый квартал конкурентов.

Обходя гору, они вошли в тень гигантской эстакады монорельса. Поезда Римской транспортной компании проносились над их головами каждые три минуты. Вагоны сияли хромом и тонированным стеклом, внутри сидели чиновники Сената и офицеры Генштаба, спешащие

из портовых офисов в прохладные виллы Верхнего города. Ни один из них не смотрел вниз. Зачем смотреть в выгребную яму, если везешь отчет о росте ВВП покоренных провинций?

Звук изменился первым. Низкий, ритмичный гул, от которого завибрировали доски под ногами. Затем добавился запах — густой, мясной, пряный запах кипящего жира и специй. Карри, кумин и железо.

— Котлы, — мрачно сказал Тарака. — Наклони голову. Не смотри им в глаза. И самое главное — не благодари, если дадут объедки. Милость унижает дающего. Просто бери и иди.

Они вышли к набережной Главного Канала. То, что Кассандра приняла за ряд приземистых складов, оказалось кухнями. Огромные бронзовые чаны диаметром в десять метров были вкопаны прямо в землю. Под ними ревел пламя, которое поддерживали специальные бригады дровоносов, таскавших топливо из разобранных жилых домов.

В каждом чане варилась похлебка. Варевом была человеческая плоть.

Процесс шел с индустриальным размахом. Голые по пояс мужчины с лоснящимися от пота черными спинами длинными баграми вытаскивали из канала связки тел — мужчин, женщин, стариков. Судя по белым хлопковым одеждам, это были паломники, пришедшие встретить смерть на берегах Ганга, но ставшие жертвой экономического коллапса. Связки сбрасывали в кипящую воду.

Повара — огромные, татуированные с ног до головы садху с ножами-мачете за поясами — методично рубили всплывающее мясо на куски. Другие помощники черпаками на длинных ручках наполняли оловянные миски.

Очередь получателей тянулась на сотни метров. Люди с чашами из половинок кокосовых орехов сидели в грязи, терпеливо ожидая своей порции. Дети, матери с младенцами, слепые старики. Они ели это варево деревянными ложками с выражением абсолютного, животного блаженства на лицах. Для них эта белковая бурда была милостью Богини, единственной возможностью пережить еще один день.

Кассандра почувствовала, как желчь подступает к горлу. Мир качнулся. Она оперлась рукой о стену, покрытую зеленой слизью.

— Шевелись, Белая, — прошипел Тарака, дергая ее за косу. — Если остановишься, они решат, что ты хочешь занять место в очереди без спроса. Закопают в углях под чаном.

Она заставила себя выпрямиться. Натянула на лицо маску тупого, скотского равнодушия — ту самую, которую видела на лицах миллионов рабов Империи. Сделала следующий шаг.

Из центрального, самого большого котла, где варилась отборная вырезка (судя по размеру кусков), отделилась фигура. Главный повар. Седой старик, чья седая борода была заправлена за пояс, чтобы не загорелась от искр. В одной руке он держал человеческий череп, служивший ему черпаком, в другой — длинный железный крюк.

Он остановился перед Кассандрой. Его глаза, красные от постоянного дыма, осмотрели ее с ног до головы. Оценивающе. Как мясник оценивает скот.

— Новая, — пророкотал он. Голос звучал как треск ломающихся костей. — Мягкая. Не местная.

Кассандра замерла. Сердце пропустило удар, а затем забилося в горле. Она посмотрела на старика. Прямо в глаза. Не мигая. Не склоняя головы.

Старик растянул губы в улыбке. Зубы у него были подпилены треугольниками.

— Гордая, — удовлетворенно кивнул он. — Гордые хорошо идут под масло. Следуй за мной.

Он повернулся и пошел вдоль ряда котлов, прочь от общей очереди. Тарака испуганно пискнул позади, но остался на месте, вжимаясь в кучу золы. Проводник знал правила: если Мастера Котлов выбрали добычу, Гильдия не вмешивается.

Кассандра пошла за стариком. Земля под ногами становилась горячее. Жар от печей опалял кожу. Запах специй стал невыносимым, забивая ноздри, проникая в легкие.

Они обогнули гору из перемолотых костей. За ней открылась площадка, вымощенная гладкими плитами песчаника. В самом центре, в тени навеса из человеческих кож, сидел старик.

Это была Майя.

Она не походила на чудовище из трущоб. Напротив, она излучала ауру абсолютной чистоты. Ее нагое тело было покрыто толстым слоем древесного пепла, нанесенного так ровно, что казался второй кожей, идеальным саваном. Седые волосы, длинные и редкие, падали на плечи. В ушах висели золотые серьги весом в несколько фунтов каждая.

Рядом с ней на низком столике стояла единственная вещь, выглядящая чужеродно в этом царстве первобытной дикости — латунный астролябия-портулан сложной конструкции, какие использовали капитаны римских грузовых флотов.

Майя ела. Перед ней на банановом листе лежало сырое сердце буйвола. Она брала его обеими руками и отрывала куски крепкими, здоровыми зубами, методично пережевывая волокнистую плоть. Сок капал на ее пепельную грудь.

— Садись, Белый Камень, — сказала она, не прерывая трапезы. Ее голос был чистым, звонким и молодым, никак не вязавшимся с морщинистым лицом. — Твои шаги громкие. Ты несешь на ногах всю тяжесть вашего Железного Неба. Сними обувь.

Кассандра опустилась на колени. Пепельный пол обжег кожу. Она скинула свои импровизированные сандалии из коры, сделанные на корабле.

— Мне нужна формула, Мать, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Антидот против Кала Кхело. Мой господин умирает.

Майя перестала жевать. Она положила остаток сердца на лист и вытерла руки о собственные бедра. Затем она подняла слепые белые глаза на Кассандру.

— Господин? — переспросила она. — У железа нет господина. У железа есть лишь форма, в которую его отлили. Твой господин — это меч. Меч не боится смерти, он и есть смерть. Зачем мечу лекарство?

— Он человек, — выдохнула Кассандра. — Под броней он сделан из мяса и страха. Как и я.

Старуха долго молчала. Складки пепла на ее лице шевелились, создавая иллюзию, что под маской копошатся насекомые. Наконец, она медленно поднялась. Ростом она оказалась выше Кассандры.

— Кала Кхело нельзя убить лекарством, созданным вашими машинами, — произнесла Майя. — Потому что это не яд. Это воспоминание. Память земли о том, какими мы были до прихода ваших железных демонов. Токсин лишь открывает дверь. Дальше душа сама выходит из тела, потому что ей скучно жить в мире, где деревья считаются пиломатериалами.

Она обошла Кассандру кругом. От нее пахло золой, мускусом и сырым мясом.

— Чтобы закрыть эту дверь, нужно заплатить Харону дважды. Первый раз — переправить душу обратно. Второй раз — убедить тело, что оно хочет остаться.

— Назови цену, — твердо сказала Кассандра.

Майя остановилась напротив нее. Протянула сухую, горячую руку и коснулась лба римлянки. Кожа Майи была шершавой, как наждак.

— Цена известна тысячи лет, — прошептала старуха. — Равновесие. Жизнь за жизнь. Кровь за кровь. Чтобы исцелить реку, в которую упала звезда, нужно отдать реке другую звезду.

Она резко схватила запястье Кассандры. Хватка древней жрицы обладала силой гидравлических клещей. Майя дернула девушку на себя, разворачивая ее спиной к столу.

— Покажи мне свою суть, Белый Камень. Сними оболочку.

Кассандра знала, что это значит. Ритуал агхори требовал отказа от эго, имени и статуса. Она растегнула фибулу на единственном плече, державшую грубую ткань. Мешковина соскользнула на плиты, оставляя ее обнаженной перед пепельной жрицей и каннибалами Котлов.

Кто-то из прислужников зашипел. Другой зачерпнул ковшом кипящий бульон из чана. Но Майя махнула рукой, и звуки стихли.

— Ты носишь на себе знак Орла, — жрица провела пальцем по спине Кассандры, найдя старый шрам от когтей гарпии в горах Парфии. — Ты убивала нашими руками ради вашей славы. Ты принесла нам Потоп. Теперь выпей нашу воду.

На столе рядом с астролябией стоял простой глиняный кубок. Внутри плескалась густая, желтоватая жидкость. Кассандра знала, что это. Вода из Ганга, собранная в зоне слива отходов. Концентрат сотен болезней, продуктов распада и молитв утопленников.

— До дна, — приказала Майя.

Кассандра взяла кубок. Металл рук ощутил тепло гниения. Она поднесла край к губам. Запах ударил в нос, вызывая спазм желудка. Желудок, закаленный годами солдатского рациона, пытался исторгнуть содержимое.

«Я — инструмент, — повторила она мысленно, глядя на слепые глаза старухи. *— Я — продолжение ее руки. Октавия посылает меня. Я выполняю функцию».*

Она запрокинула голову и влила в себя омерзительную жижу одним глотком.

Мир взорвался.

Огонь прокатился по пищеводу. Желудок скрутило судорогой такой силы, что Кассандра рухнула на колени, ударившись лбом о камень. Рвота не пошла — спазмы были сухими, выворачивающими внутренности наизнанку. Казалось, невидимый червь прогрызает путь сквозь ее печень, почки, селезенку.

Черные точки замелькали перед глазами. Она чувствовала, как температура тела взлетает до критических отметок. Лихорадка Денге, брюшной тиф, амебная дизентерия и неизвестные науке вирусы вступили в симбиоз внутри ее кровеносной системы. Они пожирали ее заживо, размножаясь с экспоненциальной скоростью.

Сквозь пелену боли она услышала голос Майи:

— Хорошо. Болезнь узнает родственную душу. Теперь открой рот.

Жрица села перед ней, скрестив ноги. Во рту старухи что-то захрустело. Кассандра заставила себя сфокусировать взгляд. Майя жевала корень какого-то растения — черного, узловатого, сочащегося фиолетовым соком.

Комок перетертой массы упал на язык Кассандры. Вкус был еще хуже, чем вода — смесь гнили, мела и электрического разряда.

Она проглотила.

И мир перевернулся снова.

Лихорадка не ушла. Но боль изменила качество. Она перестала быть разрушением. Стала очищением. Кассандра вдруг увидела собственное тело изнутри. Миллиарды клеток, охваченных паникой. И среди них — черные нити Кала Кхело, сплетающиеся в коконы вокруг нервных узлов.

А потом пришли образы.

Она увидела Александра. Маленького мальчика, сидящего на коленях у отца в садах Палатина. Увидела Корнелия Лонга, протягивающего фалькату рукоятью вперед месяц назад. Увидела Октавию, спокойно размешивающую сахар в чае, пока за окном ее кабинета вешали заговорщиков.

Увидела миллионы лиц жителей сектора D.

— Ты ешь их грехи, — прошептала Майя, кладя ладони на виски Кассандры. Пепел посыпался на волосы девушки. — Ты пьешь их страх. Стань сосудом, Белая. Пусть тьма пройдет сквозь тебя, не оставив следа. Иначе она заберет тебя навсегда.

Кассандра закричала. Но это был не крик боли. Это был звук лопающейся струны, звук освобождения. Черные нити яда в ее воображении вспыхнули и рассыпались в серый пепел под напором фиолетового корня.

Когда она пришла в себя, солнце переместилось на две ладони к западу. Она лежала на том же камне. Тело было слабым, как у новорожденного, но разум — кристально чистым. Сухим. Стерильным.

Майя сидела рядом, чертя что-то щепкой на слое пепла.

— Он выживет, — сказала жрица. — Если встретит вторую половину луны вовремя.

— Формула, — выдохнула Кассандра, пытаясь сесть. Каждое движение отдавалось эхом пустоты в животе.

Майя поднялась. Она подошла к стене, сложенной из сырцового кирпича. Провела по ней рукой. Кассандра заметила, что стена в этом месте теплее остальных. Жрица надавила сильнее. Кирпич ушел внутрь, открывая тайник.

Внутри лежал свиток из человеческой кожи. И длинная игла из черного вулканического стекла.

— Рисунок написан языком Венома, — сказала Майя. — Краска сделана из желчи кобры и пыли метеора. Если ты попробуешь скопировать его пергаментом, краска испарится. Если попытаешься запомнить — сойдешь с ума. Единственный способ сохранить — перенести на живую плоть того, кого любишь больше жизни. Тогда знание станет частью крови рода.

Кассандра посмотрела на стеклянную иглу. Потом на свое плечо.

— Бей, — сказала она.

Майя покачала головой.

— Не ты. Твоя любовь спит сейчас наверху, слушая доклады о тоннаже зерна. Любовь должна нанести удар сама. Или добровольно принять удар. Такова цена химии древних.

Жрица достала свиток. Развернула его. Кассандра заглянула внутрь. На коже был вытатуирован сложный молекулярный узор, переливающийся зеленым и пурпурным в полумраке.

— Забирай, — Майя скатала свиток и протянула его девушке. — Иди той дорогой, которой пришла. Но предупреждаю: река смыла не только дома. Она смыла старые договоры. Нижние Гильдии объявили войну Риму. Тарака мертв. Его съели ученики за то, что привел тебя сюда. Теперь каждый кусок мяса в этом городе мечтает попробовать вкус Белого Камня. Торопись. Газ Сталкера никого не щадит.

Кассандра взяла свиток. Кожа была теплой, пульсирующей, словно все еще принадлежала живому человеку.

Она подняла с пола свою набедренную повязку. Ткань пропиталась грязью и чужой слюной. Кассандра вытерла ею лицо, окончательно стирая грань между собой и жителями дна. Она должна стать одной из теней.

Выход из зоны Котлов оказался сложнее входа. Солнце садилось, и трущобы просыпались для ночной охоты. Факелы из промасленных тряпок зажигались в черных провалах окон.

Теперь на нее смотрели иначе. Не как на добычу, а как на угрозу. Она несла на себе запах святилища. Запах смерти, которую уважают.

Группа подростков с тесаками перегородила узкий проход между стеной завода и грудой автомобильных покрышек.

— Священная, — прошипел вожак, мальчик лет четырнадцати с бельмом на глазу. — Пахнешь храмом. Калека говорила, что придет Вестница.

Кассандра остановилась. Бежать означало спровоцировать погоню. Она медленно развела руки в стороны, показывая, что не вооружена. Свиток она спрятала глубоко в волосах, закрепив его прядью.

— Я несу слово Великой Матери, — громко сказала она, используя санскритский диалект, которому научилась у пленного грамматиста.

Подростки замерли. Вожак с бельмом на глазу прищурился, втягивая ноздрями воздух. Он был грязен, голоден и смертельно опасен — идеальный хищник каменных джунглей сектора D.

— Великой Матери нет дела до Белого Неба, — прошипел он, поигрывая зазубренным тесаком из рессорной стали. — Она топит ваши танки в грязи. Зачем ты пришла сюда? За мясом для своих демонов?

Кассандра медленно опустила руки. Ее мозг работал холодно, отсекая страх выживания ради логики имперского следователя. Эти дети не понимали латыни Сената, но они прекрасно читали язык силы и безумия. Прямая угроза заставит их сбиться в стаю. Имитация божественного помешательства заставит их пасть ниц.

Она запрокинула голову. Лихорадка от воды Ганга все еще тлела под кожей, вызывая приятные волны жара и легкое искажение перспективы. Кассандра позволила этому жару выйти наружу. Ее зрачки расширились, почти поглотив радужку.

— Вы слепы, личинки Кали, — ее голос изменился, став глубже, приобретя странное эхо, словно говорил не один человек, а хор голосов из колодца времени. — Вы смотрите на кожу, потому что забыли, как смотреть сквозь нее. Я — Черная Невеста. Мать прислала меня забрать долги кровью, чтобы ваш Потоп стал лишь закуской перед Великим Пиром.

Вожак моргнул. Бельмо на его глазу дернулось. Остальные мальчишки попятились, сбиваясь в кучу за его спиной. Страх перед римскими легионами был понятен — это была боль, которую можно перетерпеть. Но страх перед тем, что живет в темноте храмов, генетически прописан в каждом индусе со времен Вед.

— Чего хочет Невеста? — дрогнувшим голосом спросил вождь, опуская тесак к земле.

— Того, кто резал глотки у Котлов сегодня утром, — Кассандра сделала шаг вперед. Плиты под ее босыми ногами были раскалены, но она не чувствовала боли. — Старик с подпиленными зубами. Принесите мне его печень. Съешьте ее сами, чтобы я видела вашу верность. Или скормите собакам. Мне нужен только дым от его костей.

Это было чистым блефом, возведенным в абсолют. Но в трущобах Паталипутры реальность давно уступила место интерпретации. Если сумасшедшая белая женщина требует кости каннибала, значит, такова воля богов. Спорить с волей богов здесь было физически больно.

Вожак коротко кивнул. Его лицо исказилось гримасой подобострастного ужаса.

— Будет исполнено, Священная. Иди Путем Паука. Братья не тронут тебя. Мы будем петь о твоём приходе.

Он отступил в сторону, освобождая проход. Остальные подростки бросились ничком в грязь, пряча лица. Кассандра прошла мимо них, стараясь сохранять ту же механическую, ломаную походку сомнамбулы. Только когда звуки факелов стихли за поворотом, она позволила себе выдохнуть. Легкие горели. Сердце колотилось где-то в горле.

Тарака мертв. Мысль ударила под дых сильнее любого кулака. Мальчишка-проводник был мерзавцем, вором и будущим убийцей, но он знал эти улицы. Теперь она осталась одна. Наверху, над тоннами бетона и ила, Октавия уже наверняка смотрит на песочные часы, а Сталкер переводит таймеры газовых гранат в режим обратного отсчета.

Путь Паука оказался старой вентиляционной шахтой заброшенной текстильной фабрики Британской Ост-Индской компании. Вход скрывался за завалом из гниющих трупов священных коров. Кассандра зажала нос рукавом — запах аммиака и разложения был настолько плотным, что казался осязаемым — и протиснулась внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.